

Григорий Дондин Банзай, земляне!

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633165
Банзай, земляне!: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49829-1*

Аннотация

Далекое будущее. Разгар войны между людьми и инопланетянами, которых за свирепый вид и зеленоватый оттенок кожи прозвали орками. Космодесантники Клюв, Мазёвый и Че Паев под командованием Сержанта должны добраться до загадочной «суперпушки», способной сбивать с орбиты даже самые грозные корабли землян – осадные броненосцы. К отряду прикомандирован войсковой экстрасенс из группы ментальной поддержки Кумар. И пока brave космодесантники крошат боевых роботов, дрессированных животных-камикадзе и вооруженных до зубов орков в мелкий фарш, он пытается разобраться с мощным телепатическим полем, окружающим сверхсекретный объект. Ведь Сержанта не волнуют чужие трудности. Приказ есть приказ, хоть сдохни, но обеспечить продвижение отряда! Но Кумар подышать не собирается, у него другие планы...

Содержание

1. Сложности экстрасенсорного характера	5
2. Волшебная кость	10
3. Интересное положение	17
4. Избиение младенцев	23
5. Дрессированный чемодан с тротилом	27
6. Один вибратор на пятерых	32
7. Драка за вентилятор	38
8. Ход прыгуном	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Григорий Дондин Банзай, земляне!

Банзай:

- 1. Традиционное японское пожелание десяти тысяч лет счастливой жизни;*
- 2. Сокращенный вариант боевого клича камикадзе «Хэнно Тенку Бандзай!».*

– Бойцы! Наша смерть будет великолепна!
Warhammer 40,000: Dawn of War.

1. Сложности экстрасенсорного характера

Одиннадцать дней до краха Вселенной.

Время истекает.

– Бейте им в спину! – заорал сержант.

Дружно застрекотали три магнитных карабина. Оптика выхватила зеленоватую спину бегущего, услужливо прочертив контур тела красной линией. В правом нижнем углу прицела быстро менялись цифры дальномера, показывая стремительно увеличивающееся расстояние до цели.

– Шустро драпают, – отметил сержант и спустил курок. Яааууу – импульс магнитного ускорителя разогнал тяжелую пулю и послал ее вслед убегающему, а оптика уже захватила следующую живую цель. Яааууу. Следующий. Двух выстрелов никогда не требовалось. С таким умным оружием, как скорострельный магнитный карабин, маг, воевать одно удовольствие. Бойцу только следовало принять решение, хочет ли он убивать то, что оптика выделила красным. Остальное делал маг. А здесь вообще была красота. Три десятка зеленых улепетывали по проходу между отвесными скалами. Бойцы сержанта выстроились в шеренгу и палили, будто в тире по безответным мишеням.

– Мазёвый! Ты чё?! Уходят же! – гаркнул Клюв, на секунду отлипнув от окуляра своего карабина.

– Сейчас им уходить станет не на чем, – ответил Мазёвый, продолжая возиться со сдвоенным луч-мастером. Здоровенная такая дура. Квадратная серая коробка и два ствола в толстых охлаждающих кожухах. Снизу свешивались обрывки черных проводов, с мясом выдранных из спаек. Днем раньше Мазёвый, выполняя обход по периметру лагеря, повстречался с одиноким бронеходом предполагаемого противника. Что эта жестянка делала в одиночестве среди дюн на морском берегу, выяснить не удалось. Заблудилась-потерялась, наверное. Кроме луч-мастера после встречи с Мазёвым от нее мало что осталось. – Готовченко! Луч пошел!

Мазёвый прижал коробку к бедру, отставил одну ногу назад для устойчивости и вручную замкнул контакт. Стволы задрыгались вразнобой, часто-часто выплевывая метровые алые иглы. Боец выписал широкую восьмерку по всем правилам пулеметной науки и резко бросил трофейный агрегат. Затряс покрасневшими руками.

– Жжется, блядь!

В каньоне повисла мертвая тишина. Больше стрелять было не в кого. Между отвесными стенами дымились три десятка обугленных трупов. Там, где лучи попали в камень, возникли мягкие наплывы раскаленной породы.

– Надо же! Вещь-то какая хорошая, оказывается, – уважительно произнес Кумар, оглядывая побоище.

Мазёвый прекратил трясти руками, глянул на результат собственных усилий и выдал свое коронное:

– Мазёво! – затем пихнул носком ботинка коробку луч-мастера. – Качество как по ГОСТу.

– Не зря пер эту дуру двадцать верст, – одобрил сержант.

Все взгляды обратились на Кумара.

– Как обстановка, боец?

Кумар отрицательно качнул головой и развел руками. Можно слегка расслабиться. Раз Кумар другой опасности рядом не чувствует, значит, ее и нет.

– А я вот думаю, чего они побежали-то от нас? – подал голос Че Паев. Фамилия у этого бойца была Паев. Приставку «Че» по приколу добавили сослуживцы. – Их вон сколько, а

нас... – он споткнулся, будто позабыл количество бойцов в родном разведотряде. Растерянно пожал плечами. – Пятеро нас всего.

– С такими рожами, как ваши, удивляться нечему, – усмехнулся сержант. – Непонятно, как их всех разом кондратий не хватил с перепугу.

– А я вот думаю, что они прикинули свою численность против нашего умения и решили, что шансы их совсем никакие, – с ухмылкой возразил Че.

– Тоже правильно. Возьми Клюва и проверь местность на предмет наличия уцелевшего противника и возможных выходов из каньона по этому отрогу.

– Товарищ сержант! Почему, как ногами работать, так сразу Клюв? – возмутился поименованный боец. – Позавчера Клюв, вчера Клюв, сегодня опять Клюв.

– У Клюва карма такая, – степенно отозвался сержант, поправляя вещмешок и снимая флягу с пояса. – Кумар здоровьем не вышел. Главная мышца в его нежном организме – это мозг. А Мазёвого мне посылать боязно. Он опять какой-нибудь танк изловит, оторвет ему пушку и будет с ней таскаться, как собака с костью. Остаются Че Паев и Клюв. Вопросы есть, боец?

– Никак нет, товарищ сержант, – вздохнул Клюв. Натурального, полученного при рождении носа он лишился еще в начале срочной, а то, что ему взамен нарастили эскулапы из медбата, формой более напоминало птичий клюв, чем две нормальные человеческие ноздри. Чтобы комиссоваться, этого оказалось недостаточно. Полкан из медкомиссии сказал, что халтурно выращенный отросток на лице исправному несению службы не мешает. Зато прозвище к парню прилепилось намертво.

Два бойца утрусилы вперед по опаленному луч-мастером отрогу каньона. Мазёвый снял сферу с головы и взялся прикручивать к ней рожки эхолова. Кумар присел на корточки перед трофейным оружием и с любопытством потыкал пальцем в провода.

– Во техника! Хорошо все-таки, что Мазёвый гранату кумулятивную с собой носить любит. Не сжег бы он вчера бронеход, была бы нам всем категорическая крышка.

На Кумара упала черная и зловещая тень сержанта.

– А ты куда смотрел, Кашпировский, бля? Второй день мышей ни хрена не ловишь. Расслабился?

Причины для злости у сержанта имелись самые веские. Кумар был их сопровождающим из группы ментальной поддержки (ГМП), то бишь экстрасенсом, или просто чующим. Эдаким живым радаром, настроенным на противника. Раньше с отрядом на разведываемые всегда отправлялся Пустой, но с ним вышла типичная для дальнего космоса неприятность. Поймал какого-то неизвестного человеческой медицине кишечного паразита, и червь сгрыз половину его внутренностей к тому моменту, когда нашли подходящее лекарство. То есть где-то за четыре дня. Так что Пустой закончил службу раньше срока и отправился на гражданку по медицинским показаниям. Вот он знатно чуял. Злобные эманации чужого снайпера улавливал за шесть-семь километров.

Кумар пока что подобными талантами не блистал. Патрульный катер на подходе к острову он еще кое-как учуял. Так Мазёвый эту посудину своим эхоловом без всякой телепатии засек. На берегу Кумар бронехода прошляпил. Но это еще понять можно. Не факт, что в той жестянке кто-то живой сидел. Возможно, она целиком автономная была, на искусственном интеллекте. Корпус и почти всю ходовую кумулятивным зарядом сожгло начисто. Понять что-либо про эту машину было сложно. Модель какая-то нестандартная оказалась. Дальше по берегу прошли без приключений. Местность там своеобразная была. Широкая полоса песчаных дюн, а сразу за нею параллельно береговой линии отвесная скальная стена высотой метров в триста. И ни конца ей ни края. Нашли каньон, промытый давно пересохшей речкой, и двинулись по нему в глубь острова. Пяти километров не одолели, и Кумар опять не оправдал доверия. В правой стене каньона внезапно обнаружился широкий проход, а в нем

три десятка зеленых. Разведчики с ними чуть лбами не сшиблись. Хорошо, зеленые сразу бежать кинулись.

– Туманность здесь какая-то, товарищ сержант, – ответил Кумар, резво поднимаясь на ноги. – Не вижу я ничего. То есть своих еще кое-как вижу, когда совсем близко. А дальше сплошной туман.

– Хрена ГМП нам удружило! На такой разведвыход бракованного экстрасенса отправили. Скажи честно, Кумар, тебя в чующие по недобору взяли?

– Не, – вступился Мазёвый, как раз закончив прилаживать к сфере эхолов. – Он нормальный в этом смысле. Взглядом флягу по столу двигает. Я сам видел. Пустой так не мог.

– Туманность какая-то, – повторил Кумар, благодарно глянув на Мазёвого. – Как будто этот остров полем закрыт.

Сержант невольно взглянул на блок полевого командующего (БПК), прицепленный к левому предплечью. Коробочка вроде школьного пенала, только вместо ручек с карандашами разные шкалы и датчики. БПК показывал, что все известные виды излучений в пределах допустимого.

– И на что похоже это поле? – спросил сержант. – Глушилки? Помехогенераторы?

– Не-е, – без уверенности проронил Кумар. – Сквозь помехи, созданные машинами, я раньше видел. Хуже обычного, но видел. Здесь другое что-то.

– Почему раньше не доложил, что с задачами не справляешься, боец?

Кумар виновато пожал плечами.

– Думал, приспособлюсь со временем.

– Я тебе по возвращении к месту основной дислокации месячник бодрой физкультуры устрою, – пообещал сержант. – Очень хорошо от думанья помогает.

– Давайте я еще раз через этот туман пробиться попробую! – с энтузиазмом кающегося грешника предложил Кумар и вновь задумался. Веки прикрылись до половины. Взгляд затуманился. Мазёвый между тем надел сферу с эхоловом и сразу стал похож на адского муравья-переростка. Тоже закрыл глаза, сосредоточившись на звуках.

– Ну-ну. Медитируйте, бойцы, – буркнул сержант. Взял своего мага, подкрутил настройки оптики и начал изучать стены каньона в надежде обнаружить удобное для подъема место. Альпинистского снаряжения они с собой не взяли. Черт знает что! Ни орбитальной съемки, ни общих данных о ландшафте, ни конкретной цели. Вообще ничего! Игра в поди туда не знаю зачем. Хорошо, хоть примерные долготу и широту указали, где сам остров искать.

Их забросили из космоса в океан три дня назад. Планета, для которой у людей и названия-то не было, только условный номер 4–2/8Д, отстояла в стороне от основного театра военных действий и стратегического интереса ни для одной из конфликтующих сторон не представляла. Было время, когда ее и вовсе необитаемой считали. Но стоило командованию принять решение о захвате 4–2/8Д, как открылось неожиданное. Занять планету думали просто ради того, чтобы на карте этой солнечной системы белых пятен не оставалось. Ну и еще под всякие мелкие хозяйственные нужды.

Ресурсов здесь было с гулькин хвост. Плотность населения – один абориген на сто квадратных километров. Участков суши, подходящих под определение «континент», на 4–2/8Д не существовало. Признаки разумной жизни едва теплились на группах коралловых и вулканических островов. Укрепленных форпостов, крупных городов, серьезных скоплений планетарных войск дальняя разведка не обнаружила. На орбите полтора спутника и две эскадрильи легких истребителей. Сколько-нибудь серьезного сопротивления здесь не ожидалось, но транспортные коробки людей до места назначения не дошли. Караван с тремя пехотными дивизиями на борту, шесть фрегатов охранения, сотни тонн оборудования – всё в звездную пыль.

Посшибали их на подходе к 4–2/8Д. Чем – непонятно. Как – тем более. Определили только, что загадочная суперпушка, из которой с поверхности планеты можно по кораблям в открытом космосе лупить, находится где-то в этой части океана. Провели повторную дальнюю разведку. Нащупали крошечное подозрительное пятнышко, закрытое от взгляда из космоса обстоятельными помехогенераторами. Отправили осадный броненосец, рассчитывая на скорое и справедливое возмездие. Но тяжелый сверхживучий корабль, вместо того чтобы разнести этот хитрый островок вместе со всем северным полушарием, сам пал жертвой таинственного оружия. Гибель броненосцев всегда воспринималась людьми как событие особой значимости. Эти корабли обладали столькими уровнями защиты, что считались почти неуничтожимыми. К тому же каждый из них нес на себе такое количество вооружений, которого условно хватило бы на зажжение новой звезды. Или на погашение существующей.

– Жучки лапками скребут, птички крылышками машут, травинки под ветром шуршат, родничок маленький где-то булькает, – умиротворенно перечислил Мазёвый, стаскивая сферу с головы. Злорадно улыбнулся и добавил: – Клюв опять матюгается чего-то. Кажись, в говно вступил.

– Далеко этот чудо-разведчик? – уточнил сержант.

– Километра полтора в ту сторону, – Мазёвый махнул рукой в направлении злосчастного отрога. – Назад поворачивать собираются.

– Кроме жучков с травинками ничего не слышно?

– Бронетехники рядом точно нет. Живые твари крупнее крысы тоже нигде не шевелятся. За радиус в три км ручаюсь. Только звук какой-то непонятный идет. Вон оттуда, – он указал в глубь острова.

– Какой еще на хрен звук?

– Пока не разобрать. Далеко очень. По первости на вой из окон филармонии похоже. Как если бы эти... как их, дьяволов?.. – Мазёвый наморщил лоб, подбирая правильные слова.

– Ты сосредоточься, боец, – подбодрил сержант. – Напрягись и сформулируй так, чтобы я понял. Вопрос-то не праздный.

Мазёвый напрягся и сформулировал:

– Как будто горлопаны оперные хором скулят чего-то похоронное. На душе сразу тошно делается.

– И?

– Подойдем ближе, скажу точнее.

– Ну а ты что скажешь, боец?

Кумар – ноль реакции. Поза расслабленная. Голова свесилась набок. Зрачки в тумане. Того гляди, слюни потекут.

– Э-э! Хорош медитировать! – сержант легонько ткнул пальцем в плечо экстрасенса. Резко тормозить чующих в такие моменты устав не позволял. – Боец! Слушай мой голос. Сейчас я медленно сосчитаю до трех и ударю в бубен.

На счете два Кумар медленно вышел из транса, ошалело поглядел по сторонам и вяло произнес:

– Знаете, товарищ сержант, если я захочу, то смогу спрятаться от другого чующего, и он меня не увидит.

– Очень ты этим меня обрадовал, – съязвил сержант.

– У зеленокожих тоже есть сильные экстрасенсы, – невозмутимо продолжил Кумар. – Их храмовников не всегда удается учуять. Они прятаться умеют. Это доподлинно известно.

Сержант невольно покосился на края обрывов в вышине. Потом на усеянный гладкими валунами проход между отвесными скалами. Мазёвый тоже насторожился. Солдаты-монахи, или иначе храмовники, внушали землянам противоречивые чувства. Одним – ужас, другим – уважение, третьим – и первое и второе одновременно. Их отряды всегда появ-

лялись неожиданно. Действовали они очень эффективно, а убивали крайне жестоко. Склонность храмовников к поеданию убитых людей считалась недоказанной, но вполне вероятной. По сути, храмовые подразделения зеленокожих являли собою достойный противовес элитным частям земных войск орбитального десантирования (ВОД).

– И как сие понимать, боец? Весь остров кишит храмовниками или что?

Кумар пожал плечами.

– А хрен его знает, товарищ сержант. Но туман именно такой, какой экстрасенсы напускать умеют.

– Трижды твою ж мать! – плюнул сержант. – Мазёвый! Надень рога и слушай в оба! Не нравится мне этот Туманный Альбион.

2. Волшебная кость

– Клюв, ты что за трофей такой надыбал? – спросил Мазёвый, завидев возвращающихся разведчиков.

– Лыбыча! – ответил Клюв, гордо поднимая над головой крупный белый череп. – Там в тупичке алтарь был. Все как положено. Камень, горшки с вонючей водой, черепок на колышке, – он зловредно хихикнул. – Орки бесятся, когда у них черепа воруют. Вот бы издали позырить!

Когда люди впервые столкнулись с расой зеленокожих, кто-то с перепугу крикнул «Орки!». Так и повелось. Сходство с полюбившимися землянам мифическими монструозными дикарями у гуманоидов, конечно, было. Станный для теплокровных оттенков кожи, покатые лбы, широкие рты, руки до колен. Клыки и то имелись. Одежду они не особенно жаловали, ограничиваясь шортами, килтами и плащами на случай плохой погоды. В целом же эта раса была высококультурной и технически развитой. Правда, основную религию они имели какую-то диковатую, с некрофильским душком, но это уж дело вкуса. Сами себя они называли ирби. Или гаммат. Или цесу. Было известно несколько сотен вариантов лексической самоидентификации зеленокожих. Причина тому самая прозаическая. Национальностей у орков насчитывалось раз в двадцать больше, чем у древних землян, и никакого тебе намека на глобализацию и унификацию культуры за исключением общего для всех вероисповедания. Каждая нация со своим уникальным словарем, дробящимся на десятки диалектов и наречий. Почему, собственно, в этой войне люди не занимались обычным для себя захватом «языков». Пока разберешься, на котором из нескольких тысяч диалектов твой пленник лопочет, вооруженный конфликт с его сородичами может закончиться.

Орки при подготовке своих переводчиков сталкивались с проблемой иного рода. Разговорный язык землян, а в особенности язык солдат, здорово отличался от того единого человеческого языка, который был официально прописан в словарях и учебниках. Военные в своей речи пользовались конструкциями из мата и близких к нему по значению слов, сленга, сокращений и сугубо контекстных неологизмов собственного изобретения. Фразы из этого лексического сора строились против всяких правил. Разумным инопланетянам, изучившим официальный единый язык выходцев с Земли, обиходная человеческая речь казалась не просто непонятной. Она представлялась им бессмысленной.

– Выход наверх нашли?

– Не-а, – проронил Клюв, останавливаясь перед сержантом и небрежно поигрывая черепом необычной формы. Че предусмотрительно остановился поодаль. – Там через пару поворотов тупик. Стены везде гладкие, как яйца у кобеля. Без альпинистской оснастки нечего и пытаться.

Сержант принялся, скорчил брезгливую рожу.

– Что за запах, боец?! Труп врага в вещмешке носишь?

– Вступил случайно, – смущенно ответил Клюв. Мазёвый ядовито засмеялся.

– Приведи обувь в порядок. Дерьма на этом острове мы понюхать еще успеем. Гарантирую. Может, даже искупаться придется.

– А я вот думаю, что мы гражданских здесь покрошили, – мрачно изрек Че. – Ни оружия, ни вещмешков, ни ожерелий офицерских. Да и здоровьем они на кадровых военных как-то не похожи. Хлипкие все какие-то.

– Знаю, что гражданских, – согласился сержант. – Карма, значит, у них такая. И у любых других, от которых мы спрятаться не сумеем. Гасим всех, кто нас увидит. Это приказ, бойцы. Островок нам достался не простой, а со страшной военной тайной. Пока хоть что-нибудь не разведем, личному составу умирать запрещается. Это снова приказ. Всякая инициатива

также запрещается. Невозможное разрешаю совершать только с моего согласия. Это опять приказ. Вопросы будут?

Он обвел взглядом свой отряд. Три груды мышц на квадратных рамах плюс хрупкое тело экстрасенса. Самым высоким в отряде был Че Паев. Сто шестьдесят один сантиметр от земли до макушки. Какой-то сильно умный инженер еще сто пятьдесят стандартных лет назад придумал базовую модель идеальной капсулы для орбитального десантирования. Все в этом техническом шедевре было хорошо. Аэродинамика, эргономика, безопасность, экономичность производства и вывода на орбиту. Вот только человек выше ста шестидесяти пяти сантиметров в капсулу не помещался. Инженер-то, создавая свою идеальную модель, имел в виду обычных мирных астронавтов, а их издревле набирали маленького росточка, чтобы сподручнее было по тесным отсекам шатлов лазить. На гражданке капсула зарекомендовала себя наилучшим образом, и ее без задней мысли и особых доработок запустили в серию на военных заводах. Удобная, дешевая, надежная, безопасная – почему бы такую вещь во благо родины не использовать? Пока суть да дело, начали армейские транспорты переоснащать пусковыми установками под эту капсулу. А когда дошло до первых учений с использованием новинки, выяснилось, что двухметровые военные мужики внутрь не помещаются, даже если сверху по крышке люка вдвоем попрыгать. Тут, как назло, очередная война случилась. Штабные люди рассудили, что в сложившейся ситуации проще и дешевле обучить новый личный состав, чем транспорты переоборудовать и заводские линии переналаживать. Многие с тех пор изменилось в десантном ремесле, но размеры капсул сохранялись прежние. Чтобы еще раз полную смену личного состава не проводить.

Был и еще один, сугубо генетический аргумент в пользу малогабаритных солдат. Люди небольшого роста в большинстве своем умнее, хитрее и коварнее своих крупных собратьев. Будь иначе, они бы попросту не выживали. Отсеивались в процессе естественного отбора. Те блага, которые двухметровый мужик получал за счет физического превосходства, его мелкий конкурент отвоевывал хитростью, беспринципностью и смекалкой. Природа вообще склонна к созданию уравновешенных систем. Человеку, начиная с каменного века, для выживания давалось либо могучее тело, либо продвинутый интеллект. Оба инструмента разом доставались единицам. При укомплектации личного состава воинских частей этот факт обязательно учитывался. Военные понимали, что наделить умом туповатого верзилу практически нереально. А вот прокачать мышцы хитрозадого малявки – это запросто. Так что земные космодесантники, гроза и ужас этого рукава Галактики, ростом все как один были метр с кепкой. Для компенсации этого недостатка в учебках их так старательно начинали гормональными стероидами, что к началу нормальной службы они железные рельсы могли о колено гнуть.

– Вижу, что вопросов нет, – заключил сержант. Глянул на БПК. Часы показывали 11:23 из 21:37 возможных на этой планете. Период обращения вокруг оси у нее был чуть меньше, чем у Земли. – Тогда выдвигаемся. Че и Клюв по очереди в передовом охранении на расстоянии сто – сто двадцать метров от основного отряда. Учтите, что враг применил невиданную доселе военную подлость, так что наш чующий сейчас ни хрена не чувствует. – Тут Че и Клюв озадаченно уставились на Кумара, а сержант продолжил: – Идем практически вслепую. Никому не расслабляться. По верхам смотреть с особым вниманием. Рядом могут быть орочьи храмовники. Через каждые три км останавливаемся, Мазёвый надевает рога и слушает вибрации Вселенной.

– А я вот думаю, что неплохо бы ему совсем рогов не снимать, раз Кумар нюх потерял, – предложил Че. – Пойдем слепые, так хоть не глухие.

– Ну на хрен! – бурно запротестовал Мазёвый. Хотя фильтры эхолова и отсекали пиковые нагрузки, контузию можно было схлопотать даже от небольшого взрыва поблизости. – Если рядом чего бабахнет, у меня мозг через уши протечет.

- Было бы чему протекать! – усмехнулся Клюв.
- Заткнись, скотина!
- Сам скотина!
- Клюв на передовую, – лаконично подытожил дискуссию сержант.
- Опять Клюв, товарищ сержант? – обиженно спросил боец.
- Вперед, я сказал. Звездеть дома будешь, когда жену заведешь.

Отряд двинулся по основному руслу каньона. Впереди путеводной вехой маячил Лыбыч, прицепленный к вещмешку Клюва. Боец хотя и пер на себе без малого пятьдесят кило амуниции и боеприпасов, диковатым трофеем с алтаря не погнушался. Эти черепа, к которым зеленокожие питали особое, практически раболепное почтение, не принадлежали ни оркам, ни людям. Бойцы прозвали их Лыбычами за широкий зубастый оскал. Возраст самого молодого черепа, захваченного на орочьем алтаре, по анализу на углерод-14 соответствовал приблизительно шести тысячам стандартных лет. На чьих плечах росли эти ископаемые головы, никто из солдат не знал. Возможно, останки принадлежали какой-нибудь исчезнувшей разумной расе, которую орки почитали за своих великих пращуров.

– Мазёвый, скажи, наш сержант по мировоззрению буддист? – вполголоса спросил Кумар, немного отстав от командира. – Что он все про карму да про медитацию?

– Не-е. По мировоззрению он скорее садист. А буддийская идеология очень удачно соотносится с нашим профессиональным менталитетом. Мы, разведчики в смысле, склонны к фатализму, созерцанию и ничегонеделанью. К тому же, когда убиваешь разумных тварей в промышленных объемах, удобнее считать, что это не навсегда и всех упокоенных ждет неминуемая реинкарнация. Так для психики полезнее.

– А я вот думаю, чего ты дальше пушку от бронехода не потащил? – спросил идущий замыкающим Че.

– Ну ее, – не оборачиваясь, отмахнулся Мазёвый. – Раскаляется при стрельбе, так что в руках не удержишь.

– А тащил зачем?

– Интересно было из нее какую-нибудь цель отработать. Для расширения знаний о наземных вооружениях противника.

Блокпост зеленокожих Мазёвый услышал примерно за два с половиной километра.

– Четверо или пятеро, – говорил он, не открывая глаз. – Кажись, жрут чего-то. Челюстями лязгают. Говорят мало, но голоса довольные. Вроде как жратва им очень нравится. Техники не слышу, но вот там, – он указал рукой под углом вверх, – там глушилка потрескивает. Почти над нашими головами.

Боец открыл глаза, снял сферу и взялся откручивать эхолот.

– Как по-твоему, они конкретно нас ждут или случайные какие? – уточнил сержант.

– Случайные, – уверенно ответил Мазёвый. – Очень спокойно себя ведут. Расслабленные совсем. Прогнозов на продолжительные неприятности со шквальной стрельбой им никто не давал.

– А я вот думаю, что конкретно для нас выслали бы не меньше роты, – присовокупил Че. – Мы их за большое зацепили. Группу паломников у алтаря постреляли. Чувствую, они крепко на нас обозлятся, когда про эту шалость узнают.

Сержант взглянул на БПК. Время 16:47. Бледно-зеленые цифры возле таймера показывали условные широту и долготу их текущего местоположения с точностью до десятых долей секунд. За нулевой меридиан встроенный компьютер командирского блока принимал точку высадки и накладывал сетку на поверхность планеты исходя из заранее известной длины экватора. Сержант сохранил в памяти эти данные и включил дополнительный спидометр.

– Че, вперед! Расстояние – тридцать-сорок метров от основного отряда.

Характер каньона заметно изменился. Теперь он стал более узким и извилистым. На пути попадались все больше крупных валунов, за любым из которых мог спрятаться весь их немногочисленный отряд. Угол наклона земной поверхности тоже изменился. Теперь бойцы шли в гору, ощущая этот факт на каждом шагу. По мере того как земля под ногами поднималась, стены каньона становились ниже. Теперь их высота составляла метров сто шестьдесят – сто восемьдесят.

Сержант время от времени поглядывал на табло дополнительного спидометра, показывающее пройденное расстояние из расчета по прямой и среднюю скорость передвижения. Рядом отсчитывал километры основной спидометр, высвечивая общую длину пути, пройденного ими по этой планете. Если по прямой от точки высадки, так всего ничего получалось. Сорок восемь км за трое суток. На деле же они отмахали километров сто по суше и еще семь по океану. Это при том, что все, кроме экстрасенса, волокли на себе разного полезного барахла больше, чем сами весили. Дней через пять такого марша накопленная усталость превратит их в зомби. Шутки и разговоры не по делу прекратятся. Бойцы впадут в некое подобие транса и будут двигаться вперед на голой силе воли, поскольку физических сил у них к тому моменту уже не останется.

Когда дополнительный спидометр отсчитал два километра, сержант скомандовал остановку. Впереди был очередной изгиб каньона.

– Мазёвый, послушай, как там наши случайные.

– Они знают о нас, – через минуту хмурым голосом сообщил Мазёвый. – Затихарились на обрыве слева. Пятеро. Почти не говорят. Один раз только вякнули чего-то шепотом. От нас метров двести пятьдесят – триста будет.

– Они точно сверху?

– Уверен, – подтвердил Мазёвый, снимая сферу.

– Единожды твою ж мать, – без злобы произнес сержант.

– А я вот думаю, может, они тоже гражданские?

– Не-а, – мотнул головой Мазёвый. – Я солдатский звездех от нормальной гражданской речи на слух всегда хорошо отличаю. Орки – они такие же, как мы. Водку пьют и пальцев на руках у них по пять. Смысл разговора без словаря понять можно. Жратва, бабы, бухалово, лейтенант-козел и что мы будем делать на гражданке.

– Че, запусти червя, – распорядился сержант.

Боец скинул вещмешок и блаженно расправил плечи. Достал из бокового кармана рюкзака катушку тонкого оптоволоконного шнура с крошечным глазком камеры на конце. Присел на камень. Устроил катушку на коленях. Подключил идущий от нее витой шнур к разъему на своей сфере. Опустил на лицо черные очки-полумаску. Червь ожил. Зашевелил головой, подчиняясь сенсорам, улавливающим движения зрачков бойца. Скользнул на землю и быстро пополз вперед, змейкой извиваясь между камнями. Че пальцем придерживал рычажок, регулирующий скорость вращения катушки.

– Вижу над обрывом два зеленых рыла, – сообщил он, когда червь достиг изгиба каньона. – Смотрят через оптику в нашу сторону. Стволы у них обстоятельные. Вроде ручных луч-мастеров с сильной оптикой. Прямо под ними в скале расщелина от верха до самой земли. Я вот думаю, что по ней подняться можно. Там даже скобы кое-где в камень вбиты для пушного удобства. Ее-то зеленые и сторожат.

– У этих карма тоже никудышная, – рассудил сержант. – Отправляем на реинкарнацию.

– Вопрос одной осколочной гранаты с подствольника, – Клюв любовно погладил своего мага.

– А если остальные там окопались по самые уши и в ответ тоже чего-нибудь пришлют с неким тротиловым эквивалентом?

– Это они могут, – признал Клюв.

– Другие предложения будут? – сержант досадливо глянул на Кумара. С экстрасенсом, чутко прорицающим все телодвижения живой силы противника, воевать было куда проще. Сейчас бы могли точно узнать, что наверху делается. Кто в кустах с хронической дизентерией отсиживается, а кто миномет к прицельной стрельбе готовит. Чувящий, потерявший нюх, – не боец, а пятьдесят кило живой обузы.

– А я вот думаю: как эти уроды узнали, что мы идем? – подал голос Че, продолжая наблюдать за обрывом. – Ведь верно – сидят и целенаправленно ждут, что кто-то появится с этой стороны.

– Может, они совсем и не нас ждут, – предположил Клюв. – Мало ли: междоусобица какая у них на этой планете творится? Случаются такие разборки между своими и у нас, и у них тоже.

– Они именно нас учуяли, – доложил Кумар. – Я сейчас почувствовал, как по моему сознанию кто-то чужой ползает.

– Че, похожи эти двое на храмовников? – спросил сержант.

– Наверняка не скажу. Мне, кроме их рож, ничего не видно.

– Значит, считаем их храмовниками, пока не доказано обратное. Кумар! Ты тут хлестнулся, что можешь от третьего глаза другого экстрасенса спрятаться.

– Могу, товарищ сержант.

– А чтобы еще и нас спрятать, твоих талантов хватит?

– Тех, кто рядом стоит, – почти наверняка, товарищ сержант. Только мне сперва дунуть надо слегка.

– Это чтобы мы потом полдня тебя на носилках таскали? Отставить.

– Мне совсем чуть-чуть надо. Просто чтобы подсознание расшевелить.

– Стрелять в нужную сторону ты после этого сможешь?

– Так точно. В сторону смогу.

– Ладно, – решил сержант. – Разрешаю. Кури, но только в пределах необходимого для выполнения поставленной боевой задачи. Хоть какую-то пользу родине причинишь на этом острове. Раз не можешь учуять скрытого от глаз противника, назначаю тебя старшим... хм... – Он задумался на секунду, подбирая подходящее название для новой воинской должности: – Старшим напускателем тумана, что ли... Или нет! Будешь у нас специалистом по пси-защите. Сокращенно СПЗ. К исполнению новых обязанностей приступить немедленно. Вопросы будут?

Командование негласно поощряло употребление легких наркотиков бойцами из ГМП, поскольку это обостряло экстрасенсорные способности. В некоторых частях чувящим специально выдавали плитки земного гашиша или юнгарской сахарной смолы, как другим бойцам выдавали витамины и прозванные озверином пилюли, стимулирующие выработку норадреналина и прочих нейрогормонов. Так что кличка Кумар прилипала едва ли не к каждому третьему армейскому экстрасенсу. Боец достал из вещмешка самодельный бульбулятор на базе алюминиевой банки из-под пива, зарядил его щепоткой травы из пухлого целлофанового пакета и с энтузиазмом чиркнул зажигалкой.

– Было мне видение, бойцы, – начал сержант. – Один из вас взял в руки Лыбыча и, не таясь, пошел в сторону скопления сил противника. Черти наверху разволновались, всей кучей с обрыва повысовывались, даже вниз полезли, чтобы святую реликвию отбить. Тут-то мы их всех и постреляли.

Бойцы ничего не говорили несколько секунд.

– Верное самоубийство, – наконец произнес Клюв, озвучив общее мнение.

– Необязательно, – возразил сержант. – У орков вся жизнь на религии крепко замешана. Они в человека, несущего их священную черепушку, стрелять не станут.

– Не станут, – подтвердил Мазёвый. – Я бойца знаю, который в страшной переделке один из трех взводов выжил. Ушел от зеленых, прикрываясь Лыбычем, как заложником.

– Главное, раздражить их хорошенько, – продолжил сержант. – Надругательство какое-нибудь над черепом совершить, к примеру. Ну, не мне вас этому учить. По части надругательств вы и сами большие мастера. Главное, сделать так, чтобы зеленые про нас забыли и сосредоточились на действиях осквернителя. Задача понятна?

– Я пойду, – вызвался Мазёвый.

– Сиди! – запротестовал Клюв. – Если орки твои нежные музыкальные ушки пообрывают, эхолов останется только послунывать и затолкать в чью-нибудь задницу. Вибрации Вселенной никто, кроме тебя, толком слушать не умеет. Я Лыбыча нашел, я с ним и пойду.

Они подошли ближе к изгибу каньона. Че продолжал наблюдать за обрывом с помощью червя. Изображение проецировалось на очки-полумаску, заслоня большую часть естественного поля зрения. Мазёвый придерживал его за локоть, вслух предупреждая о крупных камнях на пути. Клюв выдвинулся вперед, держа Лыбыча на уровне груди. Вещмешок он оставил. Взял с собой только самое необходимое – пару гранат, пистолет и нож.

– Боец! – негромко окликнул сержант.

– А? – Клюв обернулся.

– Напоминаю – умирать запрещено.

– Ага! – Клюв кивнул так, будто выполнение этого приказа зависело только от него.

Через несколько шагов он увидел двух орков на обрыве. При появлении человека они напряглись. Плотнее прильнули к оптике луч-мастеров. Клюв тоже напрягся, готовясь к болезненным обжигающим ударам. Броня на нем была легкая, но качественная. С термостойкими прослойками, выдерживающими до трех прямых попаданий орочьих лучей в одну точку. С первого выстрела его вряд ли бы убили. Орки не спешили стрелять. Перебросились между собой несколькими фразами. Потом один из них что-то рывкнул, обернувшись через плечо. Клюв продолжал идти вперед.

Над обрывом показался третий орк. Этот не прятался и не осторожничал. Встал в полный рост на самом краю. Осмотрел через оптику наглого человека. Опустил ствол. Ткнул пальцем в сторону прищельца и выкрикнул несколько слов рыкающим голосом. На нем был черный килт с золотым орнаментом на поясе и черный же плащ. На руках поблескивали широкие браслеты. Точно, храмовник.

– Э-э! Ты, морда зеленая! – ответил на вызов Клюв, продолжая шагать к расщелине. – Спускайся вниз на разговор, не то я вашего Лыбыча сейчас обоссу! Вам же потом на него молиться противно будет!

Орк опять что-то рывкнул. Потряс кулаком над головой. Резко поднял луч-мастер и дважды тронул гашетку. Две алых иглы впились в камни справа и слева от ног Клюва. Боец замедлил шаг, оборачиваясь на оплавленные булыжники. Потом крикнул:

– Слазь говорю, скотина!

Орк рывкнул. Стрельнул еще раз. Броня на левом плече Клюва зашипела, поглощая тепловую энергию заряда. Появился характерный синтетический запах. Луч прошел по касательной, но боец все равно ощутил обжигающую волну смертоносного жара.

– А за испорченный погон ты мне ответишь, сука! – злобно проорал он. Потом тише, с нервной усмешкой добавил: – Надо же, блин! Ефрейторскую соплю отстрелил, гнида инопланетная.

Клюв остановился, опустил череп до уровня пояса, повернул его зубами к себе, сделал несколько широких неприличных движений тазом и быстро вернул Лыбыча на уровень груди, опасаясь, что орк все-таки решится выстрелить в него.

– Ты вот так сейчас передо мной извинишься, жаба потная! – Клюв ощутил горькое сожаление оттого, что орки не понимают его языка. Ругался он в тот момент с особым вдохновением.

Увидев непристойное действие, совершенное человеком, орк совсем взбеленился. Завопил что-то, тыча пальцем в сторону Клюва. Бросил луч-мастер под ноги и скользнул в расщелину. Начал быстро спускаться, ловкий, как обезьяна в джунглях. Над обрывом показался четвертый орк. Тоже храмовник. У этого на шее блестело офицерское ожерелье. Он что-то закричал вслед спускающемуся подчиненному. Было похоже, что он требует немедленно вернуться и прекратить маяться всякими глупостями. Самый набожный из орков прогавкал несколько слов в ответ и продолжил спуск. Клюв двинулся ему навстречу, на ходу изрыгая в адрес зеленокожих такие заковыристые эпитеты, какие только приходили на ум. Самым приличным из сказанного было «кульки с говном!». При этом боец внимательно оглядывал край обрыва. Два орка, торчавших здесь с самого начала, все реже смотрели в сторону изгиба, за которым притаился отряд. Сейчас наглый человек интересовал их куда больше. Офицера главным образом волновал непокорный подчиненный. Оставался еще пятый зеленокожий, который никак не желал подойти к обрыву и позырить, что там такое внизу занимательное делается. Клюв заматерился с удвоенной силой, страстно желая выманить последнюю нелюбознательную скотинку на удобную для выстрела позицию.

– Сержант! – с легким нервом в голосе позвал Че. – Клюв сцепился с одним из них внизу. Забился под него, как под матрас, чтобы сверху не подстрелили. У орка здоровенный нож. На обрыве вижу еще троих. Орут, за своего болеют, в нашу сторону вообще не смотрят. Пятого нигде не видно.

– А его там и нет, – ответил сержант, через оптику мага осматривая края обрывов над своей головой. – На месте их старшего я бы давно кого-нибудь отправил изучить окрестности.

– Яаууу! – негромко проскулил маг сержанта. Голова показавшегося сверху орка взорвалась фонтанами красных брызг. Луч-мастер упал в каньон и глухо клацнул о камни.

– Мазёвый и Че со мной на позицию! – скомандовал сержант. Че Паев рывком снял сферу, подключенную к червю.

Следующие три выстрела прозвучали почти одновременно. Офицер с разорванной грудью полетел вниз. Встречный поток воздуха сорвал с него черный плащ и отнес в сторону. Два других орка забрызгали мозгами стену каньона под собой.

Бойцы разом навели оптику магов на дерущихся внизу. Увидели, как из-под зеленого тела с опаской высунулся Клюв. Храмовник был чуть ли не вдвое крупнее низкорослого разведчика. Убедившись, что сверху все чисто, боец выбрался из-под трупа целиком. Хищно облизнулся. Утер рукавом в кашу разбитый нос. Погрозил отнятым у орка ножом сержанту.

– Хрен ли вы как долго?!

– Молодец, ефрейтор! Еще пара подвигов – и сержантскую соплю заработаешь.

– Жив! – не скрывая улыбки, констатировал Мазёвый и привычно нацепил рога, собираясь проверить местность на предмет подозрительных шумов и вибраций.

– К нам что-то приближается, – сказал он, послушав секунд пять. Улыбаться ему больше не хотелось. – По воздуху.

3. Интересное положение

Гостей они встретили уже наверху.

Первым из расщелины выбрался Че, отпихнув в сторону свешивающегося с обрыва орка. Окинул беглым взглядом неприятельский лагерь. Блиндаж – даже не блиндаж, а так, шалаш от дождя укрыться, – устроенный в глубокой воронке с приподнятыми оплавленными краями, скорострельный реактивный миномет на гусеничном ходу, пара низких лавочек, походная печь, аналогичная микроволновкам землян, стопка чистых железных мисок, еще кой-какие житейские мелочи.

Рядом с Че встал сержант. Быстро исследовал все триста шестьдесят градусов окружающего пейзажа через оптику мага. От горизонта до горизонта тянулось идеально ровное плато, покрытое жухлой травой, низкорослыми кустарниками и отдельными валунами. Никаких тебе холмов, утесов и прочих естественных укрытий. Создавалось впечатление, что местность была выровнена искусственно. Кое-где виднелись черные столбики с пробегающими по ним светло-голубыми всполохами разрядов – выведенные на поверхность рабочие элементы глушилок. Каньон тянулся дальше в глубь острова еще километров на пятнадцать, потом резко поворачивал вправо и обрывался тупиком. Маленькое багровое солнце висело высоко в прозрачном небе и даже не думало опускаться к горизонту. Полярный день был в самом разгаре.

– Гладкая, как стол, бля! – сквозь зубы процедил сержант.

– Вон оттуда они летят, – подсказал подоспевший Мазёвый.

Сержант посмотрел через оптику в указанном направлении. Далеко, едва различимая даже через прицел мага, по небу двигалась летающая машина орков. Умная оптика обвела контур аппарата красной линией. Сержант тронул кнопку, запускающую поиск соответствий по форме объекта. Через пару секунд в левом верхнем углу высветились два наиболее вероятных варианта, обнаруженных в памяти встроенного компьютера.

– Маг говорит, что это десантная коробка на турбинах вместимостью до двух взводов, – сообщил сержант, опуская оружие. – Идет без воздушного охранения.

– Вектор перемещения, что характерно, не из глубины острова, – заметил Мазёвый, также изучающий летающую машину через прицел. – Двигается параллельно береговой линии. Высота – метров двести. Они либо оборзевшие вконец, чтобы так летать по открытой местности, либо еще не в курсе, что теперь здесь проходит линия фронта в нашем лице. Они ведь не могут заранее знать, что я не взял с собой ПЗРК.

Клюв уже успел пошуршать вокруг лагеря, сунулся в блиндаж, попинал гусеницы реактивного миномета, заглянул в микроволновку и залепил пластырем крест-накрест свой многотрадный нос.

– У них провизия на нуле, – сказал он, вертя в руках бутылку из непрозрачного материала вроде глины. – Остались крохи какие-то. А лагерь здесь постоянный. Чуть подальше в канаве целая груда мусора и дерьма.

– Дважды твою ж мать, – изрек сержант. – Рано мы на этот пост напали. Попозже бы хоть на час – и было бы у нас тогда в распоряжении несколько местных суток относительного покоя.

– Смена караула летит, – сообразил Мазёвый, вновь направляя оптику на десантную машину. Аппарат заметно приблизился. Теперь можно было рассмотреть темно-серую проклепанную броню и широкие смотровые щели, закрытые толстым жаропрочным стеклом. За двумя мощными турбинами тянулись короткие спиральные шлейфы.

– А я вот думаю, что у них вдоль всего берега такие блокпосты, закрывающие проходы в глубь острова в наиболее удобных местах, – сказал Че. – При грамотном подходе, да еще со

скорострельным минометом у этой расщелины впятером можно целую пехотную дивизию остановить.

– Прикинул я так и эдак, бойцы, – задумчиво начал сержант. – Теперь при любом раскладе получается, что мы в глубокой жопе. Если эта коробка за раз облетает все посты, меняет личный состав и развозит провиант, значит, на борту у нее сейчас морд эдак пятьдесят. Чтобы вникнуть в суть произошедшего в этом лагере, им особых умственных усилий не потребуется. Высадятся они здесь всей кучей и начнут дружно в нас пулять, а коробочка, не будь дурой, к начальству на доклад умчится на предельных скоростях. Убежать по этой сковороде у нас не получится. Прятаться здесь тоже особо негде. Решение напрашивается само собой. Весь десант вместе с коробкой отправляем на реинкарнацию. Задача понятна?

– Я пару раз вот из такой штуки стрелял, – азартно заявил Мазёвый, кивая на реактивный миномет. – С небольших расстояний она может работать по воздушным целям. Точность при стрельбе по воздуху никакая, зато кучность отменная.

Мазёвый чуть ли не с мольбой взглянул на командира. Очень ему хотелось поручить новой игрушкой.

– Разрешаю задействовать трофейный агрегат, – одобрил сержант.

Миномет – прямоугольная вращающаяся платформа поверх гусениц. Спереди пухлый контейнер с боезапасом. Поверх него двадцать один короткий ствол в три ряда. За ними полукруглая закопченная перегородка из небьющегося жаропрочного стекла, оберегающая оператора от реактивных выбросов. Дальше блоки управления и металлическая седушка с высокой спинкой.

Мазёвый бодро запрыгнул на место оператора, окинул любопытным взглядом панель управления, испещренную непонятными закорючками и пиктограммами. С мальчишеским азартом дернул за самый большой рычаг. Вся платформа резко крутанулась градусов на двести. Мазёвый чуть не свалился с седушки.

– Тпррруу! Резвая какая скотинка попалась!

– Ты с ней постороже, – подначил Клюв, взглядом выискивая для себя удобную огневую позицию на случай, если затея с минометом провалится.

– Не учи отца с мамой в спальне запираться.

Мазёвый осторожно надавил на тот же самый рычаг. Миномет медленно развернулся в сторону приближающегося противника. Боец подвигал еще какие-то ручки, заставив стволы изменить угол по отношению к горизонту. При этом он матерился под нос из-за того, что приходилось все время наклоняться и тянуться. Руки у орков были заметно длиннее человеческих, и поэтому вся их техника казалась людям в высшей степени неудобной по части управления. Мазёвый топнул по педали в полу. Глухо залязгал механизм, переправляющий реактивные снаряды из контейнера в стволы.

– Плагиаторы хреновы! – проворчал Мазёвый, откидывая предохранитель с гашетки. – Раньше у зеленых такого оружия не было. Вообще ничего, кроме луч-мастеров, толком делать не умели. Это вот, – он хлопнул по седушке под собой, – это они нашу СРМУ-9Б скопировать попытались. Изделице так себе вышло. Жалкая пародия на оригинал. Они нам, можно сказать, всей своей военной наукой обязаны, черти неблагодарные!

– Нас опять какой-то экстрасенс прощупать пытается, – предупредил Кумар.

– Поздно! – отозвался Мазёвый и ткнул пальцем в гашетку.

Пфумп! Пфумп! Пфумп!

Стволы с интервалами в сотые доли секунды повыплывали два десятка огненных языков. От миномета во все стороны хлынула волна удушливого жара. Пилот десантного модуля, заметив вспышку вдалеке, решил на всякий случай набрать высоту, но было действительно поздно. Только брюхо аппарата зазря подставил, увеличив площадь поражения. От коробки во все стороны брызнули искры противоракетной защиты. Несколько реактивных

снарядов они сбили на подлете. Остальные попали в цель либо взорвались в непосредственной близости. Кучность стрельбы у орочьего миномета и вправду была отменная. В небе с протяжным переливистым громовым раскатом расцвел огромный черно-красный цветок.

– Мазёво! – объявил боец, смахнув пальцем капельку влаги, выступившую на кончике носа от клубящегося вокруг жара. – Качество, как по ГОСТу.

– А я вот думаю, хорошо, что мы зеленых с блокпоста Лыбычем на точный выстрел к себе подманили. Из этой своей СРМУ они могли бы весь каньон перепахать минут за пятнадцать.

– И урыли бы нас метра на три под щебенку, – согласился Клюв. Открыл трофейную бутылку, понюхал горлышко, попробовал на язык, сплюнул и вынес заключение: – Бормотуха кисленькая, вроде вина. Непродуманные какие-то орки попались. Нет чтоб доброго шнапса на свои поминки оставили!

– Слушать сюда, бойцы! – приказал сержант. – Положение у нас теперь интереснее, чем у беременной старшеклассницы. Плюсов много, но минусы весомее. Из-за глушилок никакая связь вроде радио на острове не работает. По той же причине со спутников поверхность острова не просматривается. Пошумели мы здесь, конечно, изрядно, но вряд ли это кто-то, помимо нас самих, заметил. Если сообщение между блокпостами осуществляется посредством воздушного транспорта, значит, расстояния между ними должны быть солидные. Так что основные силы противника о нас пока ничего не знают. Мы для них – большая загадка. Своей коробки они хватятся часа через три-четыре. Вышлют поисковые группы и гонцов на блокпосты. По всем приметам выходит, что следующего орка мы увидим не раньше чем через шесть-семь часов. Теперь о минусах. Сразу незаметно проникнуть в глубь острова нам не удалось, и теперь уже вряд ли удастся. Через день-два за нами начнут гоняться все орки, какие только есть на этом огрызке суши.

– И что мы с ними будем делать?

– То же, что и всегда, – зловеще пообещал Клюв. – Бошки поотрываем к чертовой матери.

– Поступим неожиданно, – продолжил сержант. – Я бы даже сказал парадоксально. Мы их здесь подождем.

– Идея как-то не очень, – кисло заметил Мазёвый.

– Идея что надо, боец! Сразу полк сюда не пошлют, а все, что меньше полка, нам не страшно. Набездобразим здесь как следует и дернем с места преступления в непредсказуемую сторону. Если после этого зеленые хотя бы на пять минут отключат глушилки, чтобы засечь нас с помощью электроники, нашу задачу можно будет считать выполненной. Сканеры дальней разведки нацелены на этот островок круглые сутки. Несколько минут им хватит, чтобы разгадать все загадки этого Туманного Альбиона, в рот его и дважды сзади. Вопросы будут?

– А невозможное по личной инициативе совершать уже дозволяется? – улыбнулся Че.

Клюв с Кумаром провели повторный, более подробный осмотр лагеря. Из стоящего в блиндаже аппарата проводной связи выдрали кабель. Пусть зеленые грешат на обрыв линии и гадают, в котором месте он произошел. Че и Мазёвый поставили на местности несколько фугасов, смастеренных тут же на коленке из трофейного боезапаса. Радиоуправляемые запалы имелись у каждого разведчика, только проку от них на острове, утыканном глушилками, не было никакого. Хоть выбрасывай. Мазёвый блеснул рационализаторским талантом и за пять минут сконструировал детонатор, реагирующий на лазерный целеуказатель. За основу он взял чувствительные элементы, снятые с орочьих луч-мастеров.

– А я вот думаю, расслабленные они все здесь какие-то. Ни хитрых растяжек, ни минных полей. Местность не патрулируется. Бойцы на блокпосту без положенной по уставу брони. Натурально, остров непуганых остолопов.

– Наверно, на этой планете путной войны ни разу не было. Вот они и оказались не готовы ко встрече с человеком.

Пристраивая под тело убитого храмовника его же собственную гранату, Мазёвый заинтересовался браслетом на руке покойничка.

– Кажись, это хитрая орочья система «свой – чужой» для автономных турелей. Не знаю, может ли она работать при включенных глушилках, но не станут же они ее таскать просто для красоты. Или станут?

Покончив с привычной рутинной, сели ужинать. Основу походного рациона составляли плитки белково-жирового концентрата, в обиходе именуемые сухарями. Обезвоженные и спрессованные до кирпичной твердости. По ощущениям как халва, только несладкая. Жесткие плитки размачивали в воде, набранной из чана в орочем блиндаже. Предварительно туда бросили пару ядерных химических таблеток для дезинфекции. О лютых инопланетных вирусах и личинках невиданных паразитов помнили всегда. Кофе сварили в микроволновке.

Ели, разговоры разговаривали. Сразу про все на свете и в то же время ни о чем.

– Смотреть на армейскую хавку без нерва не могу. Уйду на дембель – месяц в ресторанах жить буду.

– Дурень! В этом хавчике вся сила и мощь нашей победоносной армии. Смотри! Во! Бицепс, как футбольный мяч. И у тебя такой же. А на гражданку вернешься, перейдешь на нормальный рацион и за полгода сдуешься, как воздушный шарик. В еде вся сила, брат.

Брат – таким было обычное, хотя и противоречащее уставу обращение в армии землян. Не господин, не товарищ, а брат. В десятках парсеков от родных миров, в окружении враждебных форм инопланетной жизни ощущение родства с себе подобными обострялось до предела. Это было вроде потребности – иметь возможность назвать братом кого-то, похожего на тебя.

– Что читаешь, сержант?

– Тактика малых подразделений в условиях галактической войны. Подробное руководство к действию для младшего офицерского состава. Одобрено министром обороны. Мону-ментальная брошюра, бойцы! Натурально, про нас с вами. Здесь написано, как небольшой, но хорошо обученный отряд может гавкнуть решающее слово в глобальном космическом конфликте. Рекомендую всем ознакомиться.

– А я рекомендую всем дунуть, если товарищ сержант не возражает.

– По чуть-чуть – не возражаю.

– И орочьей бормотухой заполируем!

Бульбулятор пошел по кругу. Следом за ним трофейные бутылки.

– Не-е. Лучший в мире наркотик – это все-таки водка. И еще сгущенка.

– Сгущенка – наркотик. Факт.

– А я бы хотел при случае убить какого-нибудь президента.

– Чего это тебя вдруг пробило?

– Освальда вспомнил. Вот сами посудите. Мазёвый сегодня орков штук восемьдесят ухлопал из их же собственного оружия. И кто об этом вспомнит через неделю? А Освальд грохнул какого-то президентушку. Одного-единственного человечка, имени которого сразу и не вспомнишь, а прославился на тысячелетия. Я бы тоже так хотел.

– А если бы у меня был выбор, в кого стрелять, я бы первым делом своего папашку к стенке поставил.

– За что?

– За то, что он старый злобный ублюдок. За всю жизнь я от него ни одного доброго слова не услышал. У меня к оркам такой ненависти нет, как к нему.

– Своего старика я бы тоже прирезал с удовольствием.

– А я своего отца люблю.

- Это все оттого, брат Кумар, что ты его плохо знаешь. Старые козлы – они все козлы.
- Я слышал, что храмовники, которых мы здесь покروшили, людей жрут. Убитых, раненых, пленных – всех подряд. Если это правда, я их буду гасить, пока мне патроны бесплатно выдают. Даже если война кончится, все равно тварей мочить буду.
- Зря ты так. Может, у них национальная традиция такая.
- Людей жрать?!
- Вообще любых врагов, какие попадутся.
- Интересно, а орков кто-нибудь из наших есть пробовал? С голодухи или еще как.
- Бля! Ну не за столом же о такой херне!
- За столом об этом и вправду неинтересно. Меня больше другое волнует. Что за чудо на свет родится, если кто-то из наших с их бабой ляжет?
- Ща блевану!
- А ты чего спрашиваешь? Уже обрюхатил какую-то?
- Пошел ты! Я ж с научным интересом спрашиваю.
- Межрасовые браки между людьми я еще понять могу, хотя и не одобряю. А чтоб с орками?! Фу! Как представляю эти зеленые титьки... Все равно что на недельную покойницу залезть.
- А что плохого в межрасовых браках? У меня на гражданке девушка осталась такая.
- Какая еще такая?
- Восточная.
- Завязывай с этим делом, Кумар. Seriously тебе говорю. Это ж сродни зоофилии!
- Почему?
- Ты его не слушай, Кумар. Он у нас известный расист и ксенофоб. На особом контроле у замполита и психолога части.
- Я хотя бы на дизеле не сидел, в отличие от некоторых.
- А я, если этого прапора еще раз встречу, по второму разу ему всю калитку вынесу. Побежит в медбат новые зубы отращивать. И пусть меня за это снова сажают. Таких уродов, как этот прапор, вообще отстреливать надо. Храмовник, кстати, пидарас он эдакий, два зуба мне вынес. Во! Дыру видите?
- Не грусти, боец. Сходишь в медбат, там тебе новые зубы вырастят. Крепче прежних.
- Ну уж на хрен! Я лучше до дембеля подожду и на гражданке у нормальных медиков подлечусь. В медбате, я чувствую, мне опять такое вырастят, что весь полк уссытсся от хохота.
- Слышь, Клюв! А ты их попроси клыки тебе вырастить. Будешь орков-людоедов зубами грызть.
- Да пошли вы!
- Мазёвый, ты че это там слушаешь?
- Музыка древних. Сейчас такой играть не умеют.
- Дай-ка наушничек – заценить. О-о! Мотивчик ничегошный. Бодрит с первых нот. Адреналин поднимает. Сразу хочется кому-нибудь в грызло треснуть. Боевитые парни были эти древние. Перепишешь мне потом пару песен?
- Не вопрос, брат. Музыка отменная.
- Жалко, что язык непонятный. Что это вообще значит: «линкс цву драй фие». На каком это?
- Кажись, на немецком.
- Не слышал такого. Кто на нем говорил?
- Ну-у?! Немцы говорили.
- А кто это?
- Мы их в двадцать втором веке вместе со всей Европой на дно Атлантики опустили. Или это в двадцать четвертом было?

– За что мы их так? Поют-то вроде неплохо.

– У тебя по истории в школе что было?

– В среднем «2».

– У меня где-то так же, но, по-моему, Европа первой в нас какой-то ракетой пульнула.

Вот и замполит все время твердит, что мы за всю свою историю сами ни на кого не нападали. Исключительно в оборонительных войнах подмяли под себя целый рукав Галактики.

– Истинная правда, брат! Мы всегда только защищаемся. Взять хотя бы наш полк. Уже девять солнечных систем на танках объехали ради мира на матушке-Земле.

– Мне интересно, было когда-нибудь такое время, чтобы люди жили без глобальных войн?

– Ну как же?! Была эта... как ее, дьявола?!

– Эпоха ядерного сдерживания?

– Во-во! Практически золотой век человечества. Все друг друга боялись, и поэтому всерьез никто не воевал. А потом какая-то вражья нация построила на своей территории сверхнадежную систему противоракетной обороны, и весь мир тут же снова передрался.

– Почему?

– Как почему? Ясно же, что как только эти бараны уверовали, будто могут безнаказанно шмалять ракетами по соседям, так сразу затеяли последнюю мировую. Дурачки не знали, что у нас на этот злой случай уже сейсмооружие заготовлено. Они ответного удара с неба ждали, а мы им врезали из-под земли.

– Какие, однако, наши предки были молодцы! При всей своей архаичности уже тогда умели противника хитроумным маневром удивить.

– А кто знает, из-за чего на самом деле война с орками началась?

– Из-за того же, из-за чего и все остальные войны, боец! Противник, одержимый милитаристскими идеями, нанес ракетно-бомбовый удар по нашим территориям. Теперь мы наносим ответный удар по противнику с неприемлемым для него ущербом. Всё, бойцы! Команда «Отбой»!

Сержант первым встал на караул, а бойцы отправились на краткий отдых. Когда им в следующий раз доведется хоть немного вздремнуть, предсказать было невозможно. Здесь, наверху, гулял прохладный морской ветерок, так что спать решили в орочьем блиндаже. Отдельных коек там не было. Только общий подиум с аккуратно застеленными серыми одеялами.

– Не пихайся, скотина!

– Сам скотина!

– Заткнитесь оба!

– Сам заткнись!

И все спокойно заснули, хотя каждый в глубине души подозревал, что с этого острова им не выбраться. Четыре предыдущих разведотряда землян пропали здесь без следа.

4. Избиение младенцев

Десять дней до краха Вселенной.

Время истекает.

– Товарищ сержант! Товарищ сержант! Орки!

– А?

Сержант мгновенно очнулся ото сна, рефлекторно нащупывая руками свой маг. Привычно взглянул на БПК. Время 04:08. Излучения в пределах допустимого.

– Поднимай остальных, Кумар.

Зеленокожие были в пяти с лишним километрах. Шли на приличной скорости из глубины острова. Две танкетки на силовых подушках с пехотой на броне плюс четыре бронехода вроде того, что Мазёвый сжег на берегу кумулятивной гранатой. Оптика показывала быстро сокращающееся расстояние и среднюю скорость в 53 км. Между ними и лагерем стоял одноместный трехколесный драндулет. За рулем сидел храмовник без головы. Двигатель позади сиденья водителя покрывали засохшие до черноты кровавые кляксы. Сержант оценил все это секунды за три, высунув голову из-за оплавленного края воронки, в которой находился блиндаж. Выглянул и юркнул обратно. Рядом тут же попадали бойцы, привычными движениями закрепляя броню. Совсем ее не снимали даже на время сна. Только застежки ослабляли, чтобы кровь на отдыхе лучше циркулировала. Перед боем в дополнение к основному комплекту они подняли и застегнули высокие стоячие воротники до ушей, надежно закрывающие шею и нижнюю половину лица. На глаза надвинули полумаски сфер.

– Кто попрыгуна в свой актив зачислил? – спросил сержант, имея в виду трехколесный аппарат. Вообще это была довольно приличная разведмашина орочьей пехоты. На пересеченной местности могла спокойно делать двести километров в час и преодолевала большинство препятствий, совершая прыжки на сто с лишним метров.

– Я его стрельнул, – признался Че, готовя к запуску оптоволоконного червя. – Нарисовался из глубины острова. По всем приметам – гонец с вопросами до этого блокпоста. Остановился в полукилометре. Наверное, нас учуял, телепат хренов. Кумар дрых в это время. Орк покрутил хлебососом секунд тридцать и начал в ужасе свой тарантас разворачивать. Я в него и стрельнул разок.

– А я смотрю, брат Че Паев мне подарок по смене передал, – подхватил Клюв. – Сбегал и гранату орку под жопу сунул.

– А я вот думаю, зря ты так сделал, – заметил Че. – Под его жопой уже моя граната лежала.

– И чего ты не предупредил? – набычился Клюв. – А если бы я на твоём сюрпризе подорвался?

– Сам-то хорош, – проворчал Мазёвый. – Я к нему тоже с гранатой бегал.

– Блядь! За неумную инициативу руки отрывать буду! – пригрозил сержант. – Другие происшествия за время дежурства были?

– Две штурмовых коробки пролетали, – сказал Кумар. – Зависли вначале над тем местом, куда обломки десантной машины упали. Потом над нами покрутились. Инфракрасным лучом посигналили. Сперва сюда. Потом в ту сторону, откуда через пятнадцать минут бронетехника появилась.

– Тебя не заметили?

– Нет. Я туман напустил, включил хамелеона и для надежности под миномет залез.

– Зеленые до сих пор в непонятках, что здесь творится, но уже начали осторожничать. Дадим гадам новый повод для беспокойства!

Червь дрессированной коброй поднялся над землей. Покрутил головой на триста шестьдесят градусов.

– Какие же они все-таки молодцы! – довольным голосом произнес Че. – Очень правильным азимутом продвигаются. Если маршрут в последнюю минуту не поменяют, нам и пострелять толком не доведется. Клюв! По моему сигналу второй сюрприз от каньона.

– Как скажешь, Че.

Над головами бойцов замерцал инфракрасный луч.

– Своим сигналам.

– Клюв! Посигналь им в ответ через три, два, один. Бей!

Клюв высунулся из укрытия, с ходу навел оптику на фугас и мигнул лазерным целеуказателем, скользнув багровым лучом по торчащей из травы проволочной антенке с чувствительным элементом на конце. Ухнул могучий взрыв. Че дернулся и торопливо пригнул рукой оптоволоконного червя. Тут же над воронкой полыхнул густой веер алых игл. Вниз по стенкам устремилось несколько струек расплавленного камня.

– Вот суки! Чуть бошку червяку не отстрелили! – проворчал боец, отпуская червя. Упругое оптоволоконно резко выпрямилось, заняв прежнюю позицию. – Клюв! Да ты просто мегаснайпер! Два бронехода в мелкие лоскуты. Половину пехоты осколками посеколо. Третий сюрприз от каньона через три, два, один. Бей!

Вновь гроыхнуло. На этот раз боец убрал червя заблаговременно.

– Минус танкетка, – буднично сообщил он, когда стих ответный огонь. – То есть не то чтобы совсем в минус, но покорежило ее здорово. Вторая танкетка вместе с пехотой пытается зайти с фланга. На четвертый сюрприз она точно не попадает. Возможно, с пятым повезет больше. Бронеходы прут прямо в лоб. Вслепую работают короткими очередями по местности. Если они на искусственном интеллекте, то он у них какой-то корявенький.

Переливисто бабахнул незапланированный взрыв.

– Во дебилы! – прокомментировал Че. – Один из бронеходов зацепил прыгуна. Безголовый водила набок свалился. Не зря, значит, мы ему под жопу гранат напихали. Клюв! Пятый сюрприз через три, два, один. Бей!

Грянул взрыв, плавно перешедший в скрежет погнутого металла. В ответ сверкнула всего пара одиночных лучей.

– Как там оно? – осведомился сержант.

– Уцелело три-четыре пехотинца, – начал Че, взглядываясь в изображение, проецируемое камерой червя на темную полумаску сферы. – Танкетки еще живы, но ходовая у обеих в хлам. Один из бронеходов башнями вертит. Постреливает слегка.

– Мазёвый! Если миномет цел, приведи местность в соответствие с отечественным ГОСТом, чтобы ни одного живого орка в радиусе прицельной дальности стрельбы.

– Ему гусеницу срезали и седушку отстрелили. В остальном вроде бы не пострадал, – доложил Че, повернув камеру в сторону миномета.

– За ручки я и стоя дергать могу, – с энтузиазмом откликнулся Мазёвый, начиная подниматься.

– Стой! – скомандовал Че. Мазёвый замер. – Башня бронехода прямо на миномет смотрит. – Жди... Жди... Теперь пошел!

Мазёвый пробкой выскочил из воронки. Через пару секунд скрипнула вращающаяся платформа. Залызгал механизм, заряжающий стволы.

– Клюв! – с нервом в голосе торопливо позвал Че. – Пехотинец нашего минометчика в оптику поймал. За второй танкеткой.

– Ага!

Яаууу...

– Готовченко!

– Да ты просто мастер, Клюв! На прицельный выстрел полторы секунды!

– Видел бы ты меня в молодые годы! – засмеялся боец, которому согласно метрике в военном билете только-только двадцать два исполнилось. Он бы уже давно ушел на дембель, если бы на полтора года не загремел на дизель. Время, проведенное в дисциплинарном батальоне, в срок обязательной службы не засчитывалось.

Мазёвый дал четыре залпа подряд, полностью опустошив контейнеры скорострельного миномета. Нырнул в воронку и сообщил, что все мазёво. На всякий случай прицепил к сфере эхолов и немного послушал.

– По-моему, там даже бактерии не уцелели, – сообщил он.

– Полностью разделяю ваше мнение, коллега, – усмехнулся Че, продолжая изучать местность через камеру. Поймать головой раскаленный луч от ненароком уцелевшего орка никому не хотелось. Военная медицина могла починить и восстановить практически все, за исключением отстреленной головы. Так что эту часть тела солдаты берегли с особым тщанием. Для гарантии осмотрели поле боя – вернее, бойни – через оптику магов. Признаков разумной жизни не обнаружили.

– А я вот думаю, чего они все время прямо на наши фугасы перли, будто знали, где искать? Либо нам крепко везет – тьфу! – тьфу! – тьфу! – либо орки в здешних местах совсем тупые, – прокомментировал Мазёвый.

– Орки против нас все равно что дети, – зловеще поддержал Клюв и сплюнул сквозь зубы. – Младенцы несмышленные. Они всего лишь стреляют, а вот мы – воюем.

– Это не они глупые, – важно высказался Мазёвый, гордо вскинув подбородок и степенно заложив руки за спину. – Это мы по-умному сюрпризы расположили. Я, в отличие от некоторых, на КМБ конспектами по саперно-подрывному делу не подтирался. До сих пор ношу поближе к сердцу и перечитываю на досуге, как томик стихов любимого поэта. Приду на гражданку – устроюсь промышленным подрывником.

– И всю промышленность подорвешь! – съерничал Клюв.

– Пошел ты, скотина!

– Молодцы, товарищи военные! – похвалил сержант. – Отстрелялись на пятерочку. В черной дыре, организованной в данной точке карты нашими общими усилиями, меньше чем за сутки исчезло порядка одной роты зеленокожих плюс восемь единиц бронетехники. Противника это должно взволновать чрезвычайно. Прогнозирую серьезную воздушную разведку и выдвижение в нашем направлении крупного моторизованного подразделения. Так что, бойцы, ноги в руки и дергаем отсюда на предельной скорости! Мазёвый! Странный вой из окон орочьей филармонии через эхолов еще слышно?

– Даже лучше, чем раньше.

– Источник находится по тому же вектору, с которого наши гости прибыли?

– Градусов на десять-пятнадцать правее, – без уверенности ответил боец. – Но это может быть простым искажением, связанным с особенностями ландшафта. Источник по-прежнему далеко от нас.

– Вот к нему-то мы теперь и пойдем, – объявил сержант. – Только сместимся километров на пять в сторону, чтобы не споткнуться о крупный моторизованный отряд, движущийся навстречу. Мазёвый, будешь свой эхолов вместо компаса использовать. Куда звук, туда и мы. Думаю, для орков такое решение окажется самым неожиданным. Они вначале побережье километр за километром обшарят и только потом в глубине острова искать начнут. Причем не нас, а серьезное войсковое соединение, способное в открытом бою нанести вот такой ущерб, – он обвел рукой поле недавнего сражения. – К примеру, роту космодесанта. Вопросы будут?

– А мы и есть серьезное войсковое соединение, – буркнул Че.

Когда отошли от блокпоста примерно на километр, Мазёвый с тоской оглянулся на реактивный миномет.

– Прощай, дружище! – сказал он. – С собой тебя не унесешь, а врагу такую вещь оставлять жалко.

Поднял маг и включил целеуказатель. Взрывом фугаса миномет разорвало на части.

5. Дрессированный чемодан с тротилом

Спустя полтора часа в воздухе появилась авиация. Сперва несколько юрких сверхскоростных разведчиков. Потом две эскадрильи серьезных штурмовых машин. Настоящие летающие крепости. Совсем рядом прогудели турбинами три десантные коробки под охраной одного штурмовика. Пока в небе творилась вся эта чехарда, бойцы лежали неподвижно. В ткань, которой обшивали бронекостюмы и вещмешки земных разведчиков, были вплетены нити-хамелеоны. Под воздействием небольшого тока они копировали основную цветовую гамму и среднюю температуру окружающих объектов. С расстояния в десять-пятнадцать метров распластавшегося на земле бойца нельзя было заметить даже с помощью тепловизора.

Исчертив небосклон реактивными полосами от горизонта до горизонта, авиация сместила район поисков к западу, на лету перемигиваясь инфракрасными лучами. Все компасы, от традиционного магнитного до новейшего нейтронного, из-за глушилок крутились как сумасшедшие. Маленькое багровое солнце нарезало по небу длинные эллипсы, не думая перемещаться в другое полушарие. Ориентироваться можно было только по рассчитанным БПК условным секундам широты и долготы, так что понятия «запад» и «восток» являлись весьма относительными.

Когда авиация скрылась из поля зрения, бойцы двинулись в глубь острова, не выключая хамелеонов. Еще через час заметили в шести километрах длинную колонну бронетехники, идущую встречным курсом. Переждали, лежа на земле, и продолжили путь. Через каждые два километра останавливались, чтобы изучить местность с помощью эхолова и оптики магов. Иногда случались вынужденные остановки, если в небе появлялся какой-нибудь летательный аппарат. Тогда все падали на землю и старались даже не дышать.

Во второй половине дня сержант пощелкал кнопками БПК и огорченно выругался:

– Трижды твою ж мать! За последние десять часов глушилки не отключались ни на секунду! Считай, зазря с утра воевали.

Километр за километром ландшафт оставался неизменным. Всё то же гладкое, как стол, плато. Жухлая трава, низкие кустики и отдельные валуны. Прозрачное небо, багровое солнце и ничего нового на горизонте.

Кумар время от времени бросал под язык маленькие кусочки гашиша и старательно окутывал себя и сослуживцев туманным полем, непроницаемым для орочьих экстрасенсов. Из-за этого он постоянно плавал между состояниями глубочайшей отрешенности и бурного возбуждения, выражающегося по преимуществу в недержании любопытства.

– Скажи, Мазёвый, вот я Кумар, потому что дунуть люблю, ты Мазёвый, потому что никто, кроме тебя, это словечко так эффектно произнести не умеет, Клюва зовут Клювом из-за медицинской халатности, Че свое боевое имя за фамилию получил.

– Так, – кивнул Мазёвый.

– А сержант?

– А что сержант?

– У него боевое имя есть?

– Сержант.

– Но ведь и ты по званию сержант, – не понял Кумар.

– Нет. Я просто сержант, а он – Сержант. Иным удастся в рубашке родиться, а его в кителе угораздило. Причем сразу с сержантскими соплями на погонах. Я тебе больше скажу, Кумар. На таких, как он, вся служба держится. Генералам проще, чем ему.

– Почему это? Генералы армиями командуют, фронтами двигают, а сержанту в подчинение максимум отделение дают. Ну, взвод иногда, если офицеров не хватает.

– Ненаблюдательный ты человек, Кумар. Жизненных реалий в упор не видишь. Генералы командуют умными, интеллигентными офицерами, а сержантам приходится иметь дело со всяким сбродом рабоче-крестьянского происхождения. По-твоему, Че или Клюв станут подчиняться абы кому?

– Не знаю.

– Ненаблюдательный ты, – повторил Мазёвый. – Хороший сержант должен вызывать уважение и в то же время не возбуждать ненависти у подчиненных. С такими, как мы, это практически невозможно. На это особый сержантский талант требуется. Если над нами гнилого и непродуманного человечка командиром поставят, мы ему в первый же день морду пополам расколем и портянки стирать заставим. А если он вдобавок стукачом окажется, прирежем на ближайшем разведвыходе и на орков свалим. Прецеденты были. Так что наш сержант – мужик. Факт.

– А я вот тоже думаю, что командир у нас достоинств необычайных, – сказал нагнавший их Че. – Коварные замыслы противника на раз просчитывает.

– Может, он невыявленный экстрасенс? – предположил Кумар.

Бойцы только посмеялись в ответ.

– Вроде нетупой ты парень, брат Кумар, а порой такое ляпнешь!

– А что? Так часто бывает. Живет себе человек всю жизнь и не знает о своих удивительных талантах. Я вот тоже ни о чем таком не помышлял, пока в военкомат не попал. Там мне сразу сказали: «Видим в вас, товарищ призывник, огромный нераскрытый потенциал. Пойдете служить в ГПМ – незримое, но всевидящее око нашей доблестной армии». Мне служба, можно сказать, глаза открыла.

– Глаз, – усмехнулся Мазёвый.

– Что?

– Третий глаз. Незримый, но всевидящий.

– В военкомате всем такую херню в уши заливают, – заметил Че. – Их послушать, так без тебя одного нашим войскам отступать и отступать. А как ты в часть придешь, так всем оркам сразу хана сделается. И только после учебки, когда по месту основной приписки от «дедушки» первое сотрясение мозга получаешь, начинаешь прозревать, кто ты, что ты и в какое дерьмо попал.

– А почему сержант не может оказаться экстрасенсом? – не унимался Кумар. – Экстремальные ситуации и хронический недосып экстрасенсорные способности обостряют – будь здоров! В ГМП первые полгода, бывает, по три-четыре дня спать не дают, в ледяную воду резко с жары бросают, чтобы нужные участки мозга заработали. А сержант то и дело говорит, мол, было мне видение, бойцы. Может, это у него по Фрейду проскальзывает?

– Уссысья с тобой, Кумар! Насчет видений – это он так прикалывается. В нашем деле без юмора никуда. Работа у нас, разведчиков, очень нервная. По уставу нам смеяться не меньше трех раз в сутки полагается. Иначе через день друг в друга стрелять начнем. Вот сержант и старается поддерживать в коллективе соответствующую атмосферу, шутит как может.

– По уставу? – засомневался Кумар.

– По нашему уставу. По неписаному, – внес ясность Мазёвый.

– А я вот думаю, что в нашем полку первые полгода вообще никто не спит. И ничего. Третий глаз ни у кого не чешется.

– Сержант не экстрасенс, – твердо заявил Мазёвый. – Тут всё дело в боевом опыте. У него в активе полторы сотни рейдов по глубоким тылам противника. Он орочьи повадки наизусть успел выучить. Годков ему уже за тридцать перевалило, а в армию попал, как и мы, по повестке из военкомата в восемнадцать лет. И сразу в полковую разведку космоде-
санта. Неоднократно нашу стратегическую артиллерию сам на себя наводил, чтобы враже-

ские объекты наверняка уничтожить. На разведвыходах ему дважды руку по локоть лучом срезало. Что характерно, оба раза левую. И ничего. В медбате новую пятерню отращивал, полгода в реабилитационном санатории – и снова в строй. Когда время приходит очередной пятилетний контракт на сверхсрочную подписывать, он всегда соглашается. Так что его опыт любым сверхспособностям сто очков...

– Э-э! Военные, бя! Подтянулись резко! – окликнул сержант, опередивший их уже метров на тридцать. – Поменьше энергии тратим на звездех, побольше на ритмичные движения ногами!

В 21:07 сержант скомандовал «Привал!» возле небольшой и чистой на вид лужи, в которой не копошилось никакой живности. Бойцы со стонами повалились на землю кто где стоял, будто произнесенное командиром слово имело убойную мощь крупнокалиберной пули. Лежа начали расстегивать пряжки и выползать из лямок неподъемных вещмешков. Сержант поступил таким же точно образом, разве что воздержался от стонов замученного живодерами медведя. Не вставая, проверил показания основного спидометра БПК. За этот день они продвинулись в глубь острова на сорок два километра, то есть почти на столько же, на сколько за три предыдущих, вместе взятых. Средняя скорость, с учетом всех остановок, получалась около трех с половиной км за час. Совсем неплохо для четвертого дня пути по неизвестной пересеченной местности. Если обстановка позволит им отдохнуть хотя бы раз в сутки, можно будет поддерживать такой темп еще дня два.

Повалявшись на траве несколько минут и расправив затекшие плечи, бойцы как по команде двинулись на четвереньках к луже, чтобы пополнить истощившиеся за день запасы воды. Отяжелевшие фляги подсоединили к аккумуляторам бронекомбинезонов и дали на воду по три-четыре разряда. Из специальных клапанов на крышках ударили тонкие струйки пара. Этот способ уничтожения бактерий и паразитов считался не таким надежным, как применение универсальных обеззараживающих таблеток, но бойцы по возможности предпочитали использовать именно его. Химия, конечно, начисто убивала любые микроорганизмы, но кто мог поручиться, что лет через двадцать она точно так же не убьет и людей, некогда использовавших ее для очистки воды? К заверениям офицеров из медбатальона о полной безопасности обеззараживающих таблеток для человека солдаты относились с недоверием. Зато про электричество было доподлинно известно, что оно совершенно безвредно для здоровья, если за него голыми руками не хвататься.

– Вижу какую-то животинку, – сообщил Клюв, осматривая местность через оптику. Остальные тем временем готовились к вечернему приему пищи. – Расстояние – четыре триста. Резво бежит в нашу сторону.

Все насторожились. К инопланетному зверю люди уже давно научились относиться с большим подозрением и даже с ненавистью, нежели к разумным аборигенам. Самое очаровательное и невинное на взгляд создание, которое так и подмывало погладить, запросто могло плюнуть ядом, брызнуть кислотой или наградить паразитами. Болезни, к которым у землян не было иммунитета, также в большинстве случаев распространялись через животных. Один необдуманно поглаженный пушистик мог в считанные дни угробить пехотный корпус посредством чудовищной эпидемии. Так что представителей инопланетной фауны солдаты благоразумно привечали не сахарными косточками, а разрывными пулями. В районах постоянной колонизации инстинктивный панический страх перед человеком у диких животных вырабатывался через одно поколение.

– Морду задрал. Воздух нюхает, – продолжал сообщать Клюв. – Вот это пасть, бя! Крокодилы бы от зависти передохли, если б увидели, – боец неожиданно напрягся, резко позвал: – Сержант! У этого бармаглота ранец на спине!

Теперь уже все похватили маги и прильнули к окулярам.

– И чего это за образина?

– Точно, на крокодила похож. Только без хвоста.

– И лапы длинные. Бежит под сорок км.

– Что характерно, прямо к нам. Целеустремленный весь из себя, гад!

– На фига крокодилу ранец?

– В школу собрался.

– Кажись, он нам гостинец от орков несет. Грамм так на четыреста в тротиловом эквиваленте.

– Мазёвый дело сказал, бойцы! Четвероногий камикадзе – вполне обыкновенное явление для этого рукава Галактики.

– Дрессированный чемодан с фугасом!

– Ключ! Тебе, как третьему снайперу в нашем полку, предоставляется право первого выстрела, – сказал сержант. – Угробь зверушку без лишнего шума.

– Я уже второй, – проворчал боец, отключая у оптики систему самонаведения. Выстрелить нужно было так, чтобы убить зверя и не задеть ранец. Здесь умная оптика могла и подкачать. Она выискивала в своей базе данных соответствия по форме объекта, определяла наличие брони, вычисляла наименее защищенные жизненно важные участки тела и направляла пулю в один из них. Как знать, где, по мнению искусственного интеллекта, у этого крокодила самая уязвимая точка? Может, как раз под ранцем. – Чума из пятой роты на дембель ушел. Теперь круче меня только Грустный. Но это всё потому, что у него один глаз искусственный. Специальный такой. Снайперский. Вот я как-нибудь напьюсь, выбью ему этот глаз и сразу стану лучшим стрелком полка.

– Не бубни, боец! Просто стреляй!

Ключ выстрелил. Специально выбрал момент, когда зверь в очередной раз высоко задрал голову, чтобы понюхать воздух, и разнес его крокодилий череп.

– Пятерочка за стрельбу по движущейся мишени, – одобрил сержант.

И тут бухнул взрыв. Хороший такой. Грамм на пятьсот тротила.

– Твою ж мать!

– Всё настроение перед ужином обгадил.

– Ладно настроение. А если взрыв услышал кто? Орки теперь бдительные стали. На постах больше не дрыхнут и на каждый шорох реагируют с особой чуткостью.

Минут через десять действительно появились самолеты-разведчики. Снизились до километра и долго кружили на малых скоростях. Когда они убрались восвояси, сержант пожаловался на скверное предчувствие и объявил марш-бросок на пять километров в сторону от основного направления.

– Ну я ж точно в голову попал, – с обидой произнес Ключ. – Ранец даже кровью не забрызгало.

– Опомнись, боец! Мы не в родной части, и это не наказание, а тупое желание выжить. За точный выстрел по-прежнему хвалю. А теперь схватил вещмешок и бегом-арш!

Предчувствия сержанта не обманули. Не успели они толком отдышаться после бега, как послышалось тонкое жужжание резвых движков и в пределах видимости появилось полдюжины прыгунов. Около сорока минут они носились по равнине, то и дело подсакивая в воздух. Иногда какой-нибудь из них резко останавливался, и водитель что-то разглядывал на земле под колесами. Наибольший интерес у орочьих разведчиков вызывало место взрыва и прилегающая территория. Всего один раз прыгун оказался в пугающей близости от отряда землян. Пролетел в четырех метрах над распластавшимися бойцами, но водитель ничего не заметил. Хвала гению из ВПК, придумавшему нить-хамелеон! Не будь его – и пришлось бы всех орков перебить, тем самым вновь привлекая к себе повышенное внимание противника.

– Рядом с нами точно никого не было, – уверенно сообщил Мазёвый, когда прыгуны убрались восвояси. – Я ни одного подозрительного шороха не слышал. Думаю, они взрыв с большого расстояния через свои эхолоты засекли.

Безвкусные сверхпитательные сухари жевали молча и с похоронными выражениями на лицах. Марш-бросок в полной выкладке на пять км после шестнадцатичасового перехода – это маленький подвиг на пределе возможностей человеческого организма.

– Пока обойдемся без ободрина, – сказал сержант сразу по окончании ужина. Бойцы довольно заулыбались. Химия, прозванная солдатами ободрином, являлась мощным тоником продолжительного действия. Одна таблетка отбивала всякое желание спать на четыре-пять стандартных суток. Ободрин бойцы не любили. Удовольствия он не доставлял никакого, зато на шестой-седьмой день после приема начинался отходняк, по симптомам похожий на героиновую ломку. Помимо озверина и ободрина во вспомогательной походной аптечке находился концентрированный глютамин. Это вещество ускоряло вывод продуктов распада из мышечных тканей, или, проще говоря, способствовало скорейшему снятию усталости. Глютамин бойцы хрумкали, словно конфетки, на каждом привале. На вкус противно, зато полезно. Сержант продолжил: – Сегодня еще поспим, но караул будем нести по двое. Порядок для таких случаев обыкновенный. Если один караульный, измученный тяготами непосильной службы, начинает засыпать, второй наносит ему ободряющий удар в морду. Если засыпают оба, все дружно отправляемся на реинкарнацию с промежуточной остановкой в сортире храмовников-людоедов. Первым на дежурство заступаю я, как самый выносливый, и Кумар, как человек, не обремененный вещмешком в пятьдесят килограмм. Вопросы?

– А мне вас тоже ударить, если что? – серьезно спросил Кумар.

Приступ всеобщего истерического смеха длился около десяти минут.

6. Один вибратор на пятерых

Девять дней до краха Вселенной.

Время истекает.

В середине следующего дня они увидели нового крокодила с таким же ранцем.

– Что будем делать? – мрачно спросил Клюв, держа зверя на прицеле. – Прямо на нас прет. По запаху.

– Не стреляй пока, – сказал Мазёвый, также разглядывая зверя через оптику. – Я, кажись, понял, в чем фокус этих чемоданов. Детонатор настроен на их сердечный ритм или какой-то другой жизненный показатель. Стоит скотинке сдохнуть, как происходит взрыв.

– А я вот думаю, надо отстрелить ему палец на лапе, чтобы он крепко захромал и за нами гоняться бросил. Если догонит – да с такой-то пастью! – его по-любому убить придется.

– На это и расчет, – кивнул Мазёвый. – Эта образина клыкастая либо сожрет чужого, либо геройски подорвется, схлопотав пулю. А орки сидят и слушают, где бабахнет. Сканеры с радарами здесь не пашут, так они приноровились нарушителей на крокодилов ловить. Я думаю, не утыкана ли эта равнина сейсмодатчиками, регистрирующими координаты наземных взрывов? Мы когда десантную коробку в воздухе грохнули, ни одна зеленая морда шумом не поинтересовалась. А на земле стоит чуть-чуть нахулиганить, и орки сразу тут как тут.

– Палец с такого расстояния не обещаю, а вот кисть с передней лапы отмахну запросто, – сказал Клюв.

– Валяй, – одобрил сержант.

До конца дня пришлось охромить еще двух тротильных животных.

– Чем дальше в степь, тем гуще крокодилы.

– Значит, верным курсом продвигаемся, бойцы. Чуете запах страшной военной тайны зеленокожих? Нет? А она уже близко!

С этого момента останавливаться на длительный отдых не получалось. К неподвижному отряду тут же начинали сбегаться учуявшие запах животные-камикадзе. В небе всё чаще мелькали самолеты-разведчики и штурмовые эскадрильи. В пределах видимости то и дело возникали прыгуны. Было похоже, что земляне пересекли границу какой-то особой зоны, охраняемой множеством патрулей. Спали теперь урывками минут по двадцать-тридцать. Всё остальное время шагали вперед. Сложнее всего было не отключиться, пережидая на земле очередной патруль. Средняя скорость упала до двух с половиной километров в час.

Утешало одно. День ото дня вещмешки становились легче. Правда, облегчение это было скорее осознаваемым, нежели ощущаемым. На себе разведчики тащили двухнедельный запас белково-жирового концентрата, аптечки, основную и вспомогательную, патроны для магов и пистолетов с пулями нескольких различных видов. Боезапас находился как в резервных обоймах, так и просто в заводских упаковках. По всем инструкциям разведчикам полагалось стрелять как можно меньше, действуя умно и по возможности скрытно. Инструкции эти грубо нарушались почти на каждом выходе, так что патронов бойцы набирали как на маленькую личную войну.

У каждого имелся гранадерский наборчик «Сделай сам». Разрушительный потенциал взрывчатых веществ веками измерялся в тротильном эквиваленте, хотя, что такое тротил, затруднялись ответить даже военные историки. Самые ходовые виды современной взрывчатки были куда мощнее. Шариком размером с мяч для пинг-понга можно было добротный каменный дом снести до фундамента. В «Сделай сам» входило двадцать четыре таких шарика в граненой осколочной оболочке. К ним прилагалось сорок восемь multifunctional детонаторов. Одна половина превращала шарики в ручные гранаты, вторая – в

мины. Настрой у каждого вида детонатора была уйма. Например, граната имела одну красную и одну синюю планку с предохранительными кольцами соответствующей раскраски. В зависимости от цвета выдернутой чеки срабатывали режимы «наступление» либо «оборона». В наступательном красном режиме осколки разлетались всего на десять-двенадцать метров, что позволяло спокойно бежать в атаку, швырять гранаты, орать «Ура!» и не падать мордой в землю после каждого броска. Нормальный космодесантник спокойно зашвыривал граненый шарик метров на пятьдесят. Оборонительный синий режим предназначался для бросков из надежного укрытия. Разница заключалась только в дальности разлета осколков. При обороне она составляла двести пятьдесят – триста метров. Кроме того, имелось колесико для выставления задержки от трех секунд до двух минут. У минных детонаторов разных планок, колец и колесиков было заметно больше. Помимо граненых шаров в набор входила пластичная взрывчатка, расфасованная кубиками навряд ли игральных костей, компактные термозаряды для решения рутинных задач, типа выжигания замков в дверях, взрыватели с дистанционным управлением, а также всякие мелочи для организации сюрпризов, как-то: мотки тонкой проволоки, стальные шпильки, датчики движения и т. п. Независимо от набора «Сделай сам» бойцы носили с собой несколько собранных и готовых к бою гранат.

Помимо ручных гранат, были осколочные и кумулятивные заряды для подствольников. Запасных аккумуляторов приходилось по пять кило на брата. Формой они напоминали древние медные пятаки и упаковывались в столбики по килограмму каждый. Требовались они практически везде. От них питалась умная оптика магов, нити-хамелеоны бронекостюмов, очки-полумаски в режимах ночного и термального зрения. Эхоловы, черви, бесполезные на острове сканеры ограниченного действия, различные детекторы и прочие электронные мелочи, присутствующие в вещмешках, также нуждались в электричестве. За время своего пребывания на острове каждый боец уже израсходовал примерно полтора кило энергопачков.

Кроме предметов первой необходимости, вроде патронов, батареек и еды, в мешках присутствовал целый ряд вещей из серии «на всякий случай». Саперные лопатки, дыхательные маски, мотки эластичного шнура, выдерживающего до пятисот килограммов и т. д. и т. п. Поскольку «всякий случай» наступал на разведывающих регулярно, бойцы скрипели зубами, но перли на себе весь этот хлам. Исключение составлял экстрасенс. Он нес только провиант, аккумуляторы и по минимуму патронов, но с его телосложением простого гражданского человека и этого было за глаза.

– А я вот думаю, что за нами настоящий шлейф из трехногих крокодилов остается, – заметил Че, когда Клюв покалечил очередное животное. – Это плохо.

Остальные молча согласились. В воздухе повисла очевидная, но невысказанная цепь логических рассуждений. Патрульных животных должны систематически кормить и дрессировать. В противном случае они бы давно одичали и начали кидаться на своих. Следовательно, странную эпидемию трехлапости зеленокожие скоро заметят и проявят самый живой интерес к вызвавшему ее вирусу.

Хронометр БПК показывал 00:23. Начинались седьмые локальные сутки пребывания землян на планете под условным номером 4–2/8Д. Теперь они находились в ста шестидесяти четырех километрах от точки высадки. Это если по прямой. Тип местности оставался прежним. Багровое солнце упрямо торчало в небе и не скрывалось даже за облака, словно твердо решило узнать, чем закончится этот рейд земных разведчиков, не пропустив ни одной подробности.

Выглянуло солнышко головой вперед,
На него направил я свой гранатомет...

Мурлыча шутившую песенку, Мазёвый недовольно косился на солнце. Руки разведчика машинально прилаживали к лежащей на коленях сфере рога эхолова. Конструкция устройства была не шибко удобной. Чтобы не свихнуться от непрерывного потока всевозможных шумов, рога всякий раз приходилось отсоединять. Пульт, умещающийся на ладони, имел два десятка бегунков, настраивающих фильтры эхолова на различные типы звуковых волн. Процессом Мазёвый мог управлять не глядя. Так секретарь-машинист с двадцатилетним стажем щелкает по буквам на клавиатуре. Пульт слушался легчайших прикосновений грубых и уже довольно грязных пальцев военного. А вот самая главная кнопка здесь отсутствовала. «Вкл. / выкл.» она называется. Эхолов включался автоматически вместе с остальными системами сферы, как только она оказывалась на голове солдата. Типа для простоты и удобства, мать их, инженеры хреновы! Им бы с таким удобством на голове недельку по орочьим тылам полазить.

Боец послушал секунд тридцать, при этом неприязненно морщась и беззвучно матюгаясь одними губами. Потом резко сдернул сферу с головы.

– От этого звука самому выть хочется. Не могу его выносить. Как будто у меня в голове большой зуб и его этим звуком сверлят, как бормашинкой. Что странно, он идет сразу на всех частотах. Как эхолов ни настраивай, все равно в орочью филармонию попадешь.

– Я тоже что-то такое чую, – сообщил Кумар. – Словно впереди огромная печь вселенского зла и от нее волнами ужаса пышет. На мозг очень сильно давит.

– Развели кружок поэтов-пофигистов, – оскалился Клюв. – Метафоры одна другой краше. Одному зуб в голове сверлят, второго вселенская печка припекает.

– Атмосфера здесь действительно давящая, – задумчиво произнес сержант. Че и Клюв только переглянулись. На их мозг ничего, кроме вещмешков, не давило. – Что-нибудь еще слышно?

Мазёвый пожал плечами.

– Пара крокодилов поблизости ошивается. Вдалеке прыгун движком жужжит. В небе несколько небольших машин. Всё как обычно. Прямо по курсу какой-то механизм работает. Похоже на вентилятор огромного воздухозаборника. Но это всё без гарантии. Сейчас вой остальные звуки перебивать начал. Мы уже очень близко от источника. Я думаю, километров пятьдесят до него осталось.

– То, что мы близко, – это хорошо, а то, что теперь еще и оглохли, – это хуже некуда, – рассудил сержант. – Слушать сюда, бойцы! Раз нашего экстрасенса на ужас пробивает, значит, и остальных скоро проймет. Поэтому все дружно достали допаптечки и пустили по кишке озверин, чтобы искусственно внушаемый страх сразу превращался в злость и ненависть к врагу. И под ноги теперь смотрите почаще. Есть у меня гнусное предчувствие, что скоро минные заграждения пойдут.

– А как мины без сканеров засечь?

– Кто не хочет в медбате новые ноги отращивать, тот их и без сканера засечет.

Они продвинулись еще на четыре километра, когда один из кустов прямо по курсу резко вырос на добрый метр. Под ним оказалась прямоугольная башня темно-песочного цвета. Тройная пушка луч-мастера с фырканием метнула в бойцов целый веер длинных алых игл. С криком «Ложись!» сержант рухнул лицом вниз. Команда в таких случаях полагалась по уставу, но в целом она была излишней. Бойцы распластались на земле даже раньше своего командира. Кумар и тот на внезапную опасность среагировал с удивительной для обкуреного экстрасенса прытью. Вовремя они озверина наелись. Все нервные процессы препарат ускорял вдвое, инстинкты под его действием обострились до первобытного уровня.

– Приплыли, блядь!

– Турели!

– Кажись, автоматические.

Луч-мастер выплюнул еще одну очередь. У Клюва и сержанта задымились вещмешки.

– Не дышать и не двигаться! – шикнул командир. – Мазёвый! Хрен ли ты там ворочаешься?!

Боец выудил из кармана на бедре орочий браслет. Гордо продемонстрировал украшение остальным. Нацепил на руку и начал осторожно отползать в сторону от отряда. Сержант цапнул его рукой за лодыжку, как тисками, придавил.

– Ты чё творишь, боец?! – зашипел он.

– Проверяю догадку на себе, – едва слышно, но твердо прошептал боец. – Отпусти, сержант. Турелей вокруг должно быть много, а времени у нас мало. На орочем пульте сейчас всю красная лампочка мигает.

Сержант неохотно ослабил хватку. Мазёвый отполз метров на пятнадцать и несколько раз ударил кулаком в землю. После каждого удара съеживался, прикрывая голову руками. Турель и не подумала повернуть стволы в сторону бойца. Мазёвый осторожно встал в полный рост. Потопал ногой, готовый в любой момент рухнуть на землю. Пару раз подпрыгнул. Осмелел и приблизился на двадцать шагов к автоматическому часовому. Турель не обращала на него ни малейшего внимания. Разведчик быстро вернулся к отряду. Наклонился, сверкая загадочной и гордой улыбкой.

– Клюв! А ну-ка схватись за браслетик!

Клюв состроил гримасу, выражающую крайнее недоверие, но руку все ж таки протянул. Смотрел он при этом на Мазёвого, как на шамана, колдовство которого работает вопреки всем законам цивилизованной науки. При возведении своих укрепрайонов орки активно использовали автоматические турели. Луч-мастеры стреляли, ориентируясь по показаниям встроенных сканеров. Чтобы безмозглые часовые не жгли своих, зеленокожие носили отражатели, чаще всего выполненные в виде украшений. На одних планетах ожерелья, на других кулоны, на третьих браслеты или еще что-то. На объекты, отражающие лучи сканеров особым образом, турели не обращали внимания. Во избежание эксцессов заветная частота отражения регулярно менялась. Поэтому от трофейных украшений землянам не было никакого проку. Вчерашний пароль на завтра не годился. Здесь же, на плато, утыканном глушилками, сканеры турелей вообще не должны были работать. А вот поди ж ты!

– Теперь поднимайся на ноги. Только браслет не выпускай!

Клюв вопросительно взглянул на сержанта. Тот кивнул. Боец осторожно поднялся, с опаской поглядывая на стволы луч-мастера.

– Теперь топни ножкой, Клюв. Хорошо! Теперь сильнее. Совсем хорошо! А теперь давай вместе попрыгаем, держась за ручки. Помнишь, как в детском садике под елочкой скакал в костюме зайчика?

– На фига? – набычился Клюв.

– Прыгай, бля! – с земли прошипел сержант. Боец неохотно подчинился. Турель молчала.

– Все! – объявил Мазёвый. – Приручили скотинку! Теперь все цепляемся пальцами за браслет и рвем отсюда тесной кучей!

– Если кто отцепится ненароком, я тому лично ненадежный палец отломаю к чертовой матери! – пригрозил сержант, семена мимо того места, куда убралась успокоившаяся турель. Бежать таким порядком было крайне неудобно. Четыре квадратных разведчика и один нормальный экстрасенс ежесекундно сшибались плечами, бились вещмешками и запинаясь друг о друга.

– Я все голову ломал, как эта штука здесь работает, – с нескрываемой гордостью говорил Мазёвый, мелко перебирая ногами. – Возле турелей очень чувствительные сейсмодатчики. Реагируют даже на шаги. А от браслета идут легкие вибрации. Вероятно, они через тело передаются в землю. Всех, кто так вибрирует, турель принимает за своих.

– А я вот думаю, почему зеленые за несколько дней безопасную частоту вибраций не поменяли? Непродуманно с их стороны.

– Если очень интересно, можем поймать тебе какого-нибудь орка, Че. Ты у него и поспрашиваешь.

– Придет время – я у них у всех кой-чего поспрашиваю.

– Наверное, это из-за крокодилов, – предположил Мазёвый. – Зверушкам тоже «свой – чужой» полагается, чтобы зря не гибли. Дистанционно, на всех браслетах разом, частоту не переключишь. Глушилки не дадут. А если за каждым крокодилом по этой равнине гоняться, чтобы индивидуально ему аппаратуру перенастроить, так ноги по самые яйца за неделю сотрешь.

Они отошли от турели метров на пятьсот, когда в небе появились самолеты-разведчики. Заложили несколько виражей над местом, с которого по проводам поступил тревожный сигнал, и убралась восвояси.

Вскоре на пути разведчиков попало несколько странных каменных плит, от которых веяло несусветной археологической древностью. Они были огромными, с футбольное поле каждая, и все имели явные следы искусственной обработки. Чтобы установить чужеродность этого камня для данной местности диплом ксеногеолога совсем не требовался. В отличие от разбросанных по равнине светло-серых, зеленоватых и охряных булыжников плиты были идеально-черного цвета. Они возвышались над землей сантиметров на семьдесят. Дожди и ветры сточили и скруглили их угловые грани. Плоскости же остались нетронутыми. Они были ровными и гладкими, как лакированные поверхности столешниц. Мягко поблескивали на солнце, будто озера растопленного мазута. Кто их доставил сюда, когда это было, для чего их отполировали и как использовали – сплошь одни загадки. Никто, кроме Кумара, интереса к громоздким артефактам не выказал. Экстрасенс запрыгнул на самую большую плиту, потоптался по ней, глядя то в небо, то на странный черный камень, прошелся вдоль края, рассматривая сточенную природой кромку. Отряд между тем удалился шагов на пятьдесят.

– Чего ты там завис, боец? – раздраженно окликнул экстрасенса сержант. – Бегом к отряду подтянись!

– Это надпись какая-то, – отдуваясь, сказал Кумар, нагнав продолжающий движение отряд.

– И что с того, что надпись? Мало мы, что ли, всяких древних закорючек на каменных руинах видывали? На каждой обитаемой планете такого добра как говна за баней.

– Не-е, – мотнул головой экстрасенс. – Там не надпись на камнях. Там надпись из камней. Каждая плита – это отдельный символ. Все вместе только с высоты прочитать можно. С орбиты, к примеру.

– Для нашей победоносной армии это какое значение имеет? – сурово спросил сержант.

– Никакого, – растерялся Кумар.

– Тогда какого хрена, боец, ты отвлекаешься от выполнения прямых воинских обязанностей на всякую архаичную дрянь, не представляющую практической ценности?

Кумар виновато пожал плечами.

– Странно просто, – сказал он. – Вон та плита формой похожа на ит-рен. А та – на и-цен. Это символы, которыми в ГМП базовые понятия обозначают. Ит-рен – это источник силы внутри. И-цен – замок без ключа, сдерживающий силы источника...

– Отставить неуместную лекцию! – оборвал его сержант. – Незачем мозги бойцов всякими и-ценами засирать. Вон! Уши уже развесили. Того гляди, забудут, зачем на планету высадились.

– Слышь, Кумар, а откуда на орочьей планете символы земных экстрасенсов? – негромко спросил Мазёвый, выждав, когда сержант отойдет на несколько метров.

– Вот и мне непонятно, – развел руками Кумар.

На вторую линию турелей отряд наткнулся спустя семь часов. Из земли выскочило сразу две башни, и бойцу Че Паеву основательно подпалило шкуру.

– Печет-то как, зараза! – цедил он, корчась на земле и скрежеща зубами.

– Сильно тебя, брат?

– Не-е. Броня вроде выдержала. Только, чувствую, все пузо в волдырях будет.

– Мазёвый! Хрен ли ты у орков на блокпосту все браслеты не собрал?

– Так никогда ж не берем. Они обычно бесполезные. Я и этот из чистого научного интереса зацепил. Разломать на досуге и позырить, что внутри.

– Хорошо, что досуга у тебя не было, боец.

Препятствие преодолели уже знакомым порядком.

7. Драка за вентилятор

Седьмые сутки были на исходе.

Они стояли над металлической решеткой шесть на шесть метров, под которой быстро вращались лопасти гигантского вентилятора. Мощная система вместе с воздухом пыталась затянуть и бойцов. Че благоухал противоожоговым гелем. Кумар все больше дергался и ошалело вращал глазами. «Огромная печь вселенского зла» допекала его совсем не шуточным образом. Странный вой из орочьей филармонии теперь слышали все. Он накатывал волнами с той стороны, в которую они так упорно стремились. Было похоже, что одна и та же непонятная фраза повторяется в двух разных тональностях. Снова и снова. Сперва тонко и резко, а потом глухо, тяжеловесно и раскатисто. Как будто подданные большого королевства хором повторяют слова короткой клятвы вслед за своим визгливым монархом. Справедливость сравнения этого звука с бормашиной, сверлящей мозг, признали все. На нервы давило нестерпимо.

Вокруг лежали тела семи храмовников. Чуть поодаль еще троих. Все в отличном камуфляже. Их маскировочные сети, пожалуй, даже превосходили хамелеонов. Можно было наступить на притаившегося орка и не заметить. Метров за пятьсот до решетки воздухоборника Кумар сказал, что их кто-то пытается прощупать.

– То есть здесь повсюду волны телепатии, – уточнил он, невольно озираясь. – Но они рассеянные. Беспредметные какие-то. Бесцельные, как магнитное поле вокруг большого генератора. А вот эта волна конкретно на нас направлена, будто пославший ее экстрасенс видит нас в эту самую минуту.

Бойцы остановились и внимательно осмотрели местность. Обычно у них был экстрасенс, чующий присутствие живого врага, был всеслышащий эхолов, были сканеры, обнаруживающие мины и замаскированные турели. Владея информацией, они вели себя на территории противника уверенно и даже нагло. Если приходилось вступать в бой, всегда нападали первыми, спокойно планируя каждый свой шаг и прогнозируя ответные действия. Теперь у отряда не осталось ничего, кроме мощных оптических прицелов магнитных карабинов. Чувствовали они себя из-за этого примерно так же, как голый в центральном городском парке. Если ты никого не видишь среди деревьев, это еще совсем не значит, что на тебя никто не пялится.

– На горизонте что-то новенькое появилось, – сообщил Клюв, осматривая монотонный пейзаж прямо по курсу. – Вроде как мачты антенн. Вижу один, два, три... Короче, несколько.

– И за спиной у нас тоже новенькое, – отозвался Че, глядя через прицел в противоположном направлении. – С десяток прыгунов в семнадцати километрах. Мечутся из стороны в сторону. Кругами понемногу к нам приближаются. Останавливаются через неравные промежутки времени. Я вот думаю, что это они на крокодилиий след напали.

– Непохоже, чтобы они нас видели. Рыщут вслепую. Обнюхивают каждый сантиметр.

– С такого расстояния при включенных хамелеонах нас даже через оптику заметить нереально, – убежденно заявил Мазёвый. – Кумар, ты не чувствуешь, с какой стороны пришел этот сигнал?

Экстрасенс беспомощно покрутил головой.

– Здесь очень сильное телепатическое поле. У меня сейчас мозг запузывается, – рассеянно произнес он, качнувшись из стороны в сторону, как желтый лист на холодном осеннем ветру.

– Приглядывайте за нашим пси-защитником, бойцы! Если начнет падать в обморок, разрешаю применить общеукрепляющие пинки. Только без травматизма! Очень нежно по

болевым точкам. Подчеркиваю – нежно! Чтобы нервную систему встряхнуть, а не убить на месте.

Команда эта предназначалась не столько для бойцов, сколько для самого экстрасенса. Если человек знает, что стоит ему упасть, и три десантника тут же начнут охаживать его ногами, он гораздо тверже держится в вертикальном положении. Кумар жалобно взглянул на сержанта, но возражать не стал.

– Всем продолжать движение, – негромко скомандовал сержант. – Поднять воротники, опустить маски. Идем в полной готовности. Считаем, что мы в пределах прямой видимости противника, пока не доказано обратное. И повнимательнее под ноги! Если впереди действительно воздухозаборник, вокруг должны быть мины, ДЗОТы в три ряда и зенитная батарея в придачу.

Отряд медленно двинулся на шум могучего вентилятора. Они беспрепятственно дошли почти до самой решетки. Никаких обещанных сержантом преград вроде минных заграждений рядом не было. Только один раз Клюв дал знак остановиться и показал лежащий на земле блестящий металлический кругляш.

– Одна из предыдущих групп прошла этим маршрутом, – сказал сержант, мельком взглянув на аккумулятор земного бронекостюма. – Мы повторяемся, а это не сулит ничего хорошего.

Через несколько шагов прямо перед сержантом вырос двухметровый столб жухлой травы. Между стебельками блеснула пара черных зрачков. Две длинные руки вцепились в ствол мага, задирая его кверху. Сержант спокойно выпустил оружие, и не думая за него бороться. Орк добрую секунду недоуменно пялился на карабин, отобранный у человека с такой легкостью. Сержант использовал это время с умом. Отступил на шаг, выхватил из нагрудной кобуры пистолет и вклепил в бесформенную камуфляжную маску пулю из мягкого сплава. Снаряд вязко шлепнул о броню, расплющился до размеров оладышка и отскочил с досадливым визгом. Голова орка резко запрокинулась назад. Упал он уже мертвый, продолжая цепляться руками за ствол трофейного мага. Еще со времен жестоких сражений двадцатого века было известно, что если пуля не пробивает застегнутый под подбородком шлем, значит, ударом ломает бойцу шейные позвонки. Так и так кранты. Опытные солдаты, из числа людей, шлемы никогда не застегивали. Зеленокожие, традиционно предпочитающие лучевое оружие, тонкости человеческой военной науки усваивали медленно и ценой большой крови.

Только на землю свалился первый поверженный орк, в воротник сержанта с силой ударило три толстых дротика с бледно-зелеными пушистыми воланами. Метрах в четырех ожило несколько густо заросших кочек, мгновенно слившихся в одного зеленокожего со странноватым ружьем в руках. Широкий ствол короткой очередью выплюнул еще несколько дротиков, забарабанивших по грудным бронепластинам сержанта. В третий раз нажать на курок орку было не суждено. Мягкая пуля расплющилась о лобную часть его шлема. За спиной слышалась бурная возня, пыхтение, отрывистый мат на языках обеих конфликтующих сторон и одиночные негромкие выстрелы. Сержант быстро обернулся. Увидел могучую спину орка, нависшего над лежащим на земле Кумаром. Выстрелил зеленокожему под колено. Эту мудрость обе расы знали еще с незапамятных времен. Какой бы крепкой ни была броня, в подмышках, равно как в местах локтевых и коленных сгибов, есть слабые участки, обеспечивающие свободу движений. Пуля пробила защиту и расплющилась до состояния оладышка с зазубренными краями уже внутри тела. Ногу если и не оторвало, то ее связь с остальным телом теперь стала сугубо формальной. Орк с глухим болезненным стоном рухнул набок.

– Добей! – коротко скомандовал сержант, уже не глядя ни на орка, ни на Кумара. Командир оценивал расстановку сил на поле боя. Клюв с Мазёвым прибили двоих и теперь общими

усилиями душили третьего. Натурально, две гориллы на стволе баобаба. Клюв висел на спине орка, обеими руками сжимая горло. Мазёвый устроился спереди. Обвил ногами мощный торс, одной рукой вцепился в плечо, а другой ритмично долбил по вражескому шлему, как молотком. Че катался по земле со своим первенцем, пытаясь выдрать из рук зеленокожего собственный карабин. Периодически кто-то из них задевал чувствительный курок, и маг без всякой пользы выплевывал очередную пулю.

Метрах в сорока от всего этого безобразия над травой поднялись еще три закамуфлированных орка. У них были обыкновенные луч-мастеры. Сержант выстрелил первым. Крайнего левого из этой троицы снесло назад на несколько шагов, но он устоял. Зрение человека организовано таким образом, что глаз в первые доли секунды оценивает центральную точку нового объекта, а уж потом все остальное. Вот по центру орк пулей и получил. Броня там качественная. В сержанта ударили два ответных луча. Его мотнуло назад и развернуло на девяносто градусов. Броня тихо зашипела под действием высоких температур. Он выстрелил еще несколько раз, заставляя орков пятиться под ударами пуль об их броню. Мощный пистолет со стволом в двадцать сантиметров работал почти бесшумно. Сержант пошел оркам навстречу, стреляя на ходу и покачиваясь под ответным огнем. Дуэль закончилась секунд через пятнадцать безоговорочной победой человека. Орочьи стрелки вытянулись на земле со сломанными шеями. Драка к этому моменту тоже закончилась. Кумар и тот справился с поставленной задачей, сорвав с противника шлем и выстрелив из мага в голову.

– Бойцы! Повторяю в сотый раз! – сердито изрек сержант, меняя обойму и внимательно оглядываясь по сторонам. – Лучшее оружие ближнего боя – это пистолет! Все ваше самбо против него – обоссать и выбросить. Раненые есть?

Все ответили отрицательно. Следующие десять минут они старательно изучали местность. Убедившись, что других орков поблизости нет, быстро обшарили тела убитых. Искали главным образом браслеты «свой – чужой». Нашли также несколько гранат, которые сразу вернули на место уже в качестве сюрпризов. Орков поначалу повергала в ужас маниакальная страсть землян к минированию всего на свете – мертвецов, бронетехники, дверей в покинутых зданиях, брошенной амуниции и оружия. На территориях, оставленных войсками людей, прикосновение к любому предмету грозило взрывом. Зеленокожие очень быстро научились осторожничать и не хвататься за что ни попадя, но сами лишь недавно переняли эту коварную привычку и пока еще не достигли должного мастерства.

– Здоровенные они все какие на этом острове! – заметил Клюв, поднимая полумаску сферы. – Климат здесь для них, что ли, особо благоприятный?

– А я вот думаю, хорошо, что они поначалу нас живьем взять пытались, – сказал Че, наблюдая, как сержант выдирает дротики с транквилизатором из своей брони. – Очень они этим облегчили дело собственного своего убийства.

– Большое им человеческое спасибо, – подытожил Мазёвый, разглядывая свежие ссадины на своих кулаках.

– Они поджидали здесь конкретно нас, – объявил сержант. – Орки не такие дураки, как нам бы того хотелось. Уже сложили вместе все, что мы тут набезобразили, и получили единственно верный результат. На остров в очередной раз проникла малочисленная группа разведчиков либо диверсантов. Примерное направление движения им известно. Все объекты, вроде этого воздухозаборника, способные привлечь наше внимание, взяты под особый контроль. В местах наиболее вероятного появления нашего отряда организованы засады. После того как здесь обнаружат тела, остальные группы получают численное усиление и приказ сразу стрелять на поражение. Так что не расслабляйтесь, товарищи военные. Головокружением от успехов разрешаю страдать не ранее, чем с момента возвращения к месту основной дислокации. У кого какие соображения, пожелания, замечания?

– Можно в их вентиляцию залезть, – предложил Клюв. – Судя по пропеллеру, под землей у зеленых целый город. Воздуха эта штука закачивает немерено. А можно сходить на антенны позирить. Тоже дело получится.

– А я вот думаю, как бы у нас у всех мозги от их воя не закипели, пока мы до антенн пешком топаем. Зуб даю, что они-то как раз и шумят на всю округу. Пси-барьер там у зеленых стоит или еще какая хрень, не доступная пониманию простого человека. Я бы лучше по вентиляции поползал.

– Не нравится мне этот воздухозаборник, – возразил Мазёвый. – Решетка совсем новая. Да и вентилятор едва запылелся. Сдается мне, предыдущая группа прожгла старую решетку и грохнула движок пропеллера, чтобы спуститься вниз. И больше о них никто никогда не слышал.

– И постоянной охраны у такого важного объекта нет, – поддержал его сержант. – Может, внизу у них действительно серьезная инфраструктура, требующая непрерывной подачи больших объемов воздуха, а может, это всего лишь хитрая замануха для таких, как мы. Наверняка сказать сложно, – сержант перевел взгляд на Кумара. Выглядел экстрасенс неважно, но зрачки у него всё же прояснились. Недавняя встряска пошла на пользу. – Боец! Имеешь реальную возможность отличиться. Ты сколько вешишь, если в килограммах?

– Пятьдесят девять, – вяло ответил экстрасенс.

– Как перышко! – довольно улыбнулся сержант. – Сейчас мы с Мазёвым леса для тебя построим. Клюв тебя на них закинет, и ты через оптику попробуешь рассмотреть, что там за антенны такие. Только быстро, чтобы самому в чужую оптику не попасть. Возвышающиеся объекты на этой сковороде сразу внимание привлекают. Даю пять секунд. Задача понятна?

– Что еще за леса? – спросил Кумар, стаскивая лямки вещмешка.

Сержант и Мазёвый крест-накрест положили друг другу руки на плечи. Получился отличный мостик из четырех бревен. Клюв сгреб экстрасенса в охапку и легко усадил наверх. Кумар вначале неуверенно встал на одно колено, проверяя устойчивость живых лесов. Те даже не шелохнулись.

– Пулей, боец! – прикрикнул сержант. Кумар подсуетился. Встал в полный рост. Повел магом вправо-влево. – Все! Спрыгивай!

Кумар неловко, чересчур торопливо соскочил, споткнулся и врезался носом в землю.

– Жив?

– Так точно.

– Тогда докладывай, чего увидел с высоты собственного полета?

– Там не то чтобы антенны. Скорее башни со шпилями, – сообщил Кумар, переворачиваясь и усаживаясь на земле. – Вроде бы выстроены широким полукругом. Перед ними патрули орков маршируют. В броне и экзоскелетах. Торжественно, как на параде. Похоже на почетный караул. Ближе к нам два ряда лучевых заграждений. Еще ближе незамаскированные турели. Все. Больше ничего рассмотреть не успел. А! Еще видел, как в одну башню орк зашел. Низенький такой. Сгорбленный. С палочкой. Наверное, старичок. И с ним еще маленький. Ребенок, скорее всего.

– Отлично справился, боец! Для пяти секунд наблюдения козырный результат! – без тени иронии похвалил сержант и продолжил, обращаясь уже ко всем: – Слышали? Башни, почетный караул, лучевые заграждения, старички с детишками. – Он поднял маг и навел его на мечущихся вдали прыгунов. Его интересовало расстояние, которое покажет дальномер оптического прицела. Район поиска заметно приблизился. Теперь шустрые разведмашины кружили всего в десяти километрах от отряда. – Прожигайте решетку, бойцы. Идем туда, где нас не ждут. День сегодня будет увлекательным и насыщенным.

8. Ход прыгуном

Шесть дней до краха Вселенной.

Время истекает.

Поначалу никто не обратил внимания на четырех прыгунов, несущихся к башням. Не среагировали на них и автоматические турели. Легкое недоумение вперемешку с беспокойством возникли, лишь когда разведмашины приблизились к лучевым заграждениям. Между трехметровыми столбами багрово мерцали плотные горизонтальные ряды смертоносных лучей. Вместо того чтобы повернуть, прыгуны перемахнули через препятствие. Настоящая тревога поднялась только после того, как одна из машин, приземляясь, смела сразу двух караульных, плотно упакованных в броню и экзоскелеты. За рулем злобно ухмылялся сержант. Тремя другими прыгунами управляли Клюв, Че и Мазёвый. Кумар, хотя и сдал в свое время экстремальное вождение на твердую четверку, а эксплуатацию техники и оружия противника со второй попытки вытянул на тройку, был не в том состоянии, чтобы управлять прыгающей машиной на скорости около ста пятидесяти км. Поэтому он висел на боку одного из прыгунов. Экстрасенса пристегнули ремнями к дугам безопасности на кресле водителя. Перевернись бойкая машинка на полном ходу, и от Кумара остались бы только уши да пара пальцев с левой ноги. Но не бросать же человека. Пассажир достался Мазёвому, как солдату с наибольшим опытом по части обращения с вражеской техникой.

Поисковый отряд, идущий по крокодилъему следу, разведчики покروшили легко. Можно сказать, классически. Орки сбились в кучу, чтобы поглазеть на мертвых соплеменников, прожженную решетку и замерший вентилятор с еще дымящимся оплавленным двигателем. Один из них, вероятно, самый неопытный, нагнулся, чтобы перевернуть труп. Возможно, он был знаком с убиенным. А может, ему всего лишь стало интересно, каким образом умерщвлен его сослуживец, закованный в практически непробиваемую броню. Остальные орки перепуганно заорали. Кто-то потянул руки, чтобы остановить глупца, кто-то заблаговременно бухнулся на землю. Грянул добротный взрыв. Немногих уцелевших сразу настигли пули притаившихся неподалеку разведчиков. Вот так в распоряжение землян попало сразу десять прыгунов. Два из них пострадали от взрыва, но остальные пребывали в отличном состоянии. Оперативная группа, которая теоретически должна была выехать для установления причин поломки воздухозаборника, еще и на горизонте не появилась. Двигатель вентилятора полыхнул лишь несколькими минутах ранее.

Махнув через лучевое заграждение, они удачно приземлились, но все четыре машины вдруг разом заглохли. Пошли юзом по черному, похожему на резину покрытию. У прыгунов не только движки вырубались, но еще и колеса застопорились. По инерции их протащило мимо одной из башен, похожей на толстый бронзовый карандаш с длинным острым грифелем-шпилем на вершине. Бойцы остервенело дергали за ручки стартеров, давили на рулевые колонки, били ногами педали, но машины будто умерли. Точнее, не умерли, а окаменели, одновременно поймав ступор на все подвижные детали. Машину Че Паева пронесло дальше всех. До самого края черного покрытия, ограниченного высоким массивным бордюром. Глянув поверх ограды, боец на пару мгновений начисто позабыл о несвоевременно издохшем прыгуне. Да и обо всем остальном, в общем, тоже. За бордюром начинался огромный чашепоподобный котлован. Никак не меньше двух километров в поперечнике. Вокруг него кольцом выстроились башни. В центре стоял многогранный черный обелиск, тускло поблескивающий в лучах багрового солнца. Всё дно котлована устилали обнаженные тела распластавшихся зеленокожих. Они лежали отнюдь не беспорядочно. От обелиска и почти до самого бордюра располагались идеально ровные кольца из неподвижных тел. Там были тысячи, быть может, десятки тысяч орков. Башня за спиной Че зазвенела тягучими, срывающимися

на визг словами, резанув болью не только по ушам, но даже и по мозгу землянина. Как только она умолкла, весь океан зеленоватых тел разом всколыхнулся, поднимаясь на колени. Земля загудела, когда хор из тысяч голосов начал повторять слова, визгливо продиктованные башнями. Проговорив их до конца, орки с прежней жуткой синхронностью хорошо отлаженного механизма распластались по дну котлована. Обелиск откликнулся на слова зеленокожих легкой вибрацией, неразличимой для человеческого уха, но вполне ощущаемой для тела. И вновь протяжно запели башни. От могучих звуковых волн, напирających со всех сторон, у бойца Че Паева мошки закружили перед глазами и желудок пригрозил обильной рвотой. Череп буквально трескался от боли.

Опомнившись, Че обернулся на остальных землян. Их прыгуны остановились чуть дальше от бордюра. Они не видели того, что видел он, а потому занимались делами более насущными и адекватными ситуации, нежели обалделое созерцание невероятного ритуала. С обеих сторон по широкой черной полосе, на которой стояли башни, к разведчикам бежали караульные. Очень быстро. Их движения были ощутимо ускорены и усилены экзоскелетами, надетыми поверх массивной брони. Элитная тяжелая пехота зеленокожих. Мазёвый выпустил по бегущим справа короткую очередь. Скорее для порядка, нежели рассчитывая на реальный результат. Сам он уже освободился от дуг и ремней безопасности и теперь одной рукой помогал отстегиваться Кумару. Вторая была занята оружием. Пули из мощнейшего карабина лишь немного притормаживали орков, с искрами отскакивая от брони. Сержант, укрываясь за движком своего прыгуна, выстрелил из подствольника по двоим, бегущим слева. У того, что был впереди, на плече ослепительно полыхнул кумулятивный заряд. Бегущего следом окатило брызгами горячей смеси. Броня у орков была термостойкой, рассчитанной на многократные прямые попадания лучей, но и сержант не елочными хлопучками кидался. Кумулятивная граната, попадая танку в башню, через тридцать секунд уже прожигала днище. Температура горения на воздухе была чуть выше, чем в центре ядерного взрыва. При использовании в безвоздушном пространстве она была ниже, но ненамного. Оба орка остановились почти сразу и беспорядочно заметались из стороны в сторону. А еще секунд через пять попадали и быстро затихли. Клюв использовал кумулятивные гранаты менее эффективно, чем сержант. На трех орков, по которым стрелял Мазёвый, он израсходовал три заряда. По штуке на брата.

Остальные караульные, прежде торжественно маршировавшие по черному кольцу, были еще относительно далеко. Теперь, когда нарушители периметра раздавили двоих охранников прыгуном и сожгли гранатами еще пятерых, оркам все окончательно стало ясно. Некоторые караульные продолжали бежать, вероятно рассчитывая ввязаться в ближний бой и взять наглецов живыми. Благодаря экзоскелетам они имели неплохие шансы на успех. Печальная судьба сгоревших сослуживцев их почему-то совсем не испугала. Большинство охранников остановилось и открыло беглый огонь по людям. Если не принимать во внимание впивающиеся в броню лучи, разведчики получили короткую передышку. Вот только нормально подумать о ситуации не было никакой возможности. Всепоглощающий вой разом вышибал из сознания любую зарождающуюся мысль. Сержант бегло осмотрел территорию, прилегающую к башням. Двойное кольцо лучевых заграждений навскидку казалось сплошным. Конечно, здесь должен был существовать какой-то выход, но кто бы подсказал, где его искать? Никаких намеков на КПП, через который можно пробиться. В сердцах лягнув прыгуна, на которого несколькими минутами ранее возлагались огромные надежды, сержант замахал рукой в сторону ближайшей башни. Кричать было бесполезно.

Дверь, по виду такая же гладкая и бронзовая, как всё остальное сооружение, находилась со стороны лучевых заграждений и была не заперта. Первой в нее влетела граната. Потом колобком вкатился Клюв с готовым к стрельбе подствольником. Никого. Только завитки кислого дыма после взрыва. Клюв махнул рукой, и Мазёвый сразу втащил внутрь

практически бесчувственного экстрасенса. Следом забежал Че с луч-мастером в руке. Оружие он на ходу выдрал из пальцев раздавленного караульного. Вроде бы тот еще был жив. А может, это экзоскелет продолжал двигаться уже после смерти его обладателя. Последним в башню нырнул сержант и одним движением выбросил наружу две мины, полностью собранные и приготовленные к использованию еще у вентилятора. Бросил и сразу захлопнул дверь. На людей тут же обрушилась тишина, как порою обрушивается внезапный раскат грома над самой головой. Шокирующая, пугающая и такая желанная. Звон остался только в ушах и в головах. Звукоизоляция у здания оказалась феноменальной.

Мгновенно оправившись от потрясения, вызванного внезапной тишиной, сержант сообразил, что на двери вообще нет никаких запоров. На вид и на ощупь она была металлической, так что командир с ходу вспомнил про луч-мастер в руках у Че.

– Завари! – гаркнул он, невольно продолжая орать во всю мощь голосовых связок.

– Для того и взял! – точно так же проорал Че, поднимая перед собой трофейное оружие.

– Ключ! Смотри за лестницей! – уже чуть тише скомандовал сержант. – Мазёвый! Что с нашим Кашпировским?

– Хреново с ним! – отозвался Мазёвый, поднимая маску на сфере экстрасенса. – Здоровья на два раза поссать осталось. Из глаз кровь течет. Из носа тоже.

– Из носа и у меня хлещет, – сказал Че, проводя лучом по стыку между косяком и дверью.

– Такая же херня, – подал голос Ключ.

– Блядь! – рявкнул Че. – Металл тугоплавкий! Луч его не берет. Заварить не удастся!

Тут же сержант ощутил, как дверь, подпертая его плечом, дрогнула от взрывной волны. Кто-то из караульных зацепил брошенную им мину. Че окинул ищущим взглядом помещение, в котором они оказались. По форме оно было круглым. В центре находилась широченная колонна из того же металла, что и стены башни. Пожалуй, даже не колонна, а башня внутри башни. Диаметром она была около пяти метров. Между колонной и стенами располагались ступени просторной витой лестницы, уходящей ввысь. Ширина свободного пространства составляла порядка трех метров. Мягкий белый свет сочился между ступенями откуда-то сверху. Никакой мебели в пределах видимости. Вообще ничего пригодного для блокирования двери. Бронзовые стены башни были сплошь украшены массивной декоративной решеткой из какого-то другого, иссиня-черного металла. Нескончаемые переплетения мягких завитков и угловатых ломаных линий. Дверной проем также был обрамлен тяжелым черным орнаментом. Че выстрелил из луч-мастера в завиток, показавшийся ему наиболее безвкусным с точки зрения человеческой эстетики. Результат эксперимента был самый положительный. Черный металл оплавился под коротким лучом.

– Дайте мне две минуты! – сказал Че, принимаясь вырезать из декоративной решетки подле нижних ступеней лестницы кусок подходящего размера. Остальные задумку поняли и оценили.

– Даю полторы! – объявил сержант, плотнее налегая плечом на дверь. То, что ее нельзя было прожечь ручным луч-мастером, его даже радовало. – Ключ! Как лестница?

– Тихо. Но проверить по верхам все же стоит.

– Позже. Сначала дверь.

Мазёвый быстро оттащил Кумара подальше от входа. Присел у колонны на корточки точно напротив двери. Положил перед собой несколько гранат и направил карабин на сержанта. В дверь несильно ударили.

– Че! Скоро ты там?

– Еще треть. Железяка хорошая. Твердая навряд стали.

В дверь ударили со всей дури. Она резко распахнулась, впечатав упирающегося сержанта в стену. С улицы хлынул режущий сознание вой, а вместе с ним ввалился орк в броне

и экзоскелете, дающем ему чудовищную силу. Но как он ввалился, точно так же и выкатился, буквально вышвырнутый наружу длинной очередью Мазёвого. Несколько пуль угодили в маску, закрывающую лицо, но треклятый экзоскелет не позволил шее сломаться под ударами. Вокруг зажужжали рикошеты. Как только орк отступил на улицу на пару шагов, Мазёвый вlepил ему в пузо кумулятивный заряд из подствольника и бросил ручную гранату для надежности. За спиной выбитого наружу зеленого маячило еще штуки четыре. Сержант ногой захлопнул дверь. И вновь наступила благословенная тишина.

– Чего-чего, а экзоскелеты эти жабы делать умеют, – сержант придавил дверь другим плечом. То, на которое пришелся удар, теперь гудело от боли. Дверь нужно было держать по-любому. Ее ведь могли и не вышибать, а приоткрыть чуть-чуть и сунуть в щель пару гранат. – Че Паев, твою мать!

– Готово, сержант! Клюв! Помоги! Тяжелая, сука, получилась.

Бойцы подтащили прямоугольный кусок решетки к двери. Мазёвый тоже подбежал к косяку. Кивнул сержанту. Тот приоткрыл дверь на ширину ладони, впусcтив внутрь очередную волну нестерпимого звука. Мазёвый разом швырнул наружу две гранаты с задержками, выставленными на пять и на тридцать секунд. Дверь захлопнули. Приставили к ней решетку, и Че сразу прихватил ее на несколько точек к массивному орнаменту. Снаружи опять долбали со страшной силой. Сварка треснула в двух или трех местах, но в целом выдержала.

– Лучше вари, боец! Качество чтоб как по ГОСТу! Неизвестно, сколько нам здесь торчать.

– Здесь торчать нам вообще нисколько не планировалось, – проворчал Клюв. – Глянуть мельком, что за башни, и рвать с этого острова на предельных скоростях.

– Позвезди тут еще, боец! Сам видел, как вражья техника подкачала.

– На то она и вражья, – усмехнулся Мазёвый. – Мне думается, в прыгунов блокираторы понатыканы, а здесь по земле вибрация идет, которая их включает.

– Где ты раньше такой просветленный был? – буркнул Клюв.

– А чё ты грубый какой сделался, что к тебе и на БТР не подъедешь?

– Подратся меж собой разрешаю, – сказал сержант. – Но позже. Когда из дерьма выберемся. Может, и я тогда на радостях морду кому-нибудь располосую.

Бойцы сразу утихли.

– На фига им свою собственную технику здесь блокировать, вот чего я никак не уразумею, – проговорил Мазёвый.

– А я вот думаю, что здесь у орков главная Мекка, – сказал Че, завершая сварочные работы. Ставший ненужным луч-мастер боец небрежно приставил к стене.

– Какая такая Мекка?

– Самая обыкновенная. Вроде Ватикана. Короче, место, где всякие сильные чудеса творятся. Орки здесь молятся на какой-то столб целой гололопой армией. По всему выходит, что место тут святое, а по святому месту даже своим на разных драндулетах гонять не положено. Вот какая история.

В дверь бешено долбали несколько раз подряд. Решетка спокойно выдержала. Только прогибалась слегка. От каждого удара дверь приоткрывалась сантиметра на два, впуская внутрь короткие обрывки орочьей мантры. Бойцы на всякий случай отступили от входа и навели на него стволы магов.

– Что-то ты антинаучное сейчас такое сказал, брат Че Паев, что в моей голове с первого прослушивания не поместилось, – озадаченно произнес Мазёвый, когда орки притомились лупить в дверь. – Давай еще разок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.